

ТРЕТЬЕГО ПУТИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ Перспективы левых движений

Сеймур М. Липсет

ЛИПСЕТ Сеймур Мартин, известный американский социолог и политолог. Статья передана автором для публикации в журнале «Полис».

В то время как всеобщее внимание приковано к поразительным преобразованиям в коммунистическом мире, в левых (некоммунистических) партиях совершаются не менее значительные, хотя и не столь драматические сдвиги. Они не так заметны, ибо не влекут за собою революционных перемен в экономике и политике, но весьма важны с точки зрения идеологии, поскольку представляют собой отход демократических левых сил от теории централизованного перераспределения доходов (1). Как высказался весной 1990 г. Пьер Моруа, глава правительства социалистов, пришедшего впервые в истории Франции к власти, «мы думали, что сможем найти третий путь, но оказалось, что его не существует» (2). Во всех развитых странах социалистические и другие левые партии одна за другой вступают на путь идеологического отступления к капитализму. Многие из них за последнее десятилетие далеко продвинулись вправо, и это движение противоречит процессам, происходящим в традиционно умеренной левой партии США — Демократической. Американские демократы, выступая против социализма и действуя внутри самого антиэтатистского общества индустриального мира, все же свернули влево в противоположность всем остальным партиям, находящимся слева от центра.

Рассмотрим, что происходит в мире социал-демократии и зададимся вопросами: почему в таких разных направлениях меняются партийные принципы и программные установки левых сил в Соединенных Штатах и в большинстве других индустриальных стран? (3) Как объяснить это загадочное явление?*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД: ДВИЖЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ ВПРАВО

Начиная с Бад-Годесбергской программы немецких социал-демократов (1959 г.) большинство левых партий Европы, причем с нарастающей в последнее десятилетие скоростью, меняет свой традиционный взгляд на огосударствление собственности и господство государства в экономике в пользу рынка, сокращения налогов, монетаризма и отказа от регулирования экономики. Многие из них настаивают на том, что лучший способ справиться с экономическим отставанием — это увеличение производства, а не политика перераспределения доходов. Историк-марксист Эрик Хобсбаум пишет: «Сегодня лишь немногим из социалистических партий льстит напоминание об их призвании — выступать за общество, основанное на государственной собственности и планировании... В 80-е годы мы наблюдали, быть может впервые в истории, как лидеры известных партий — социалистических только по наименованию — соревновались с М. Тэтчер в восхвалении рынка и растущего социального неравенства... А в начале 90-х годов большинство социалистов стремятся перешеголять друг друга, превознося достоинства супермаркета» (4). Эти процессы, происходящие почти в каждой демократической стране, приняли такие масштабы, что стоят того, чтобы к ним приглядеться повнимательней (5).

АВСТРАЛИЯ И НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Начнем наш международный обзор с Австралии, страны, где еще в 1890 г. лейбористская партия получила большинство в ряде штатов. Лейбористы управляли Австралией и Новой Зеландией и в последнее десятилетие. Придя к власти в странах с выраженной тенденцией к расширению институтов социального государства и обширными планами повышения трудовых доходов, эти партии оказались перед лицом дестабилизирующего эффекта практиковавшихся высоких налогов, роста бюджетного дефицита, инфляции и роста зарплаты, угнетающе действовавших на развитие национальной экономики. При лейбористских премьер-министре Р. Хоуке и министре казначейства П. Китинге австралийское правительство понизило учетную ставку и налоги на доходы, проводило политику «экономической дерегуляции» и добилось такого антиинфляционного соглашения с профсоюзами, по которому реальная заработная плата сокращалась минимум на 1 % ежегодно на протяжении всего времени их пребывания у власти (6).

Хоук объездил весь мир в поисках капиталовложений и повсюду заверял, что его правительство поддерживает линию на сокращение реальной заработной платы австралийских рабочих. Он провозгласил, что новый социал-демократический символ веры — это не высокая зарплата и высокое обложение доходов, а прибыли, сбережения и дивиденды: именно это дает капитал, питающий экономический рост. Хоук полемически утверждал: «Если социал-демократическое правительство действительно намерено сделать для них (т. е. для беднейших слоев, вытесненных на обочину экономической жизни — С. Л.) все реально возможное, то значит, нам нужна возможно более успешно развивающаяся экономика. На мой взгляд, на заре /лейбористского движения/ кое-кто... не понимал этого... Нужно быть идиотом или ослепленным предрассудками, чтобы не понимать, что если хочешь позаботиться о большинстве народа, тебе не обойтись без здорового и постоянно растущего частного сектора».

Осуждая несправедливо жесткую структуру налогообложения своих предшественников-консерваторов, Хоук настаивал: «Для того, чтобы предоставить частному сектору наиболее благоприятные условия для инвестиций и найма, должны быть отменены чудовищно высокие ставки налогов, доходившие до 60 % при наиболее крупных доходах. Мы опустили верхний предел до 49 % и намерены снизить его еще больше. Помимо изменений в налоговой политике, мы осуществили «дерегулирование» экономики, освободив ее от чересчур жестких ограничений». Что же касается сокращения заработной платы, то, по мнению премьер-министра, если «наша экономика развивается столь успешно и занятость в Австралии растет вдвое быстрее, чем в остальных индустриальных странах, то главная причина заключается именно в том, что австралийские рабочие согласились на более низкую зарплату. Увеличение прибылей в национальном доходе за счет уменьшения доли зарплаты... дало нам возможность обеспечить экономический рост страны... ». В сентябре 1990 г. Хоук и Китинг обнародовали план приватизации части банков, а также государственных авиа- и телекомпаний. Состоявшийся вслед за тем съезд партии одобрил эти меры и «официально отрекся от курса на приоритет общественной собственности в пользу политики, напоминающей ранний тэтчеризм» (7).

В Новой Зеландии события развивались по сходному сценарию. Вернувшись к власти в 1984 г., лейбористская партия, возглавлявшая правительство до октября 1990 г., стала проводить тэтчеристскую политику с большим рвением, чем правительства других западных стран, включая Англию, родину тэтчеризма. В первые же годы своего правления лейбористы «отменили контроль за валютными операциями, ценами и зарплатой, учетной ставкой, прекратили помощь промышленным и сельскохозяйственным предприятиям, оказавшимся в затруднительном положении, а также отказались от государственной поддержки экспорта и выплаты субсидий компаниям госсектора, т. е. от курса экономической политики, введенного и усиленного предыдущими консервативными правительствами... Кабинет лейбористов понизил налоги на прибыль, в т. ч. иностранных инвесторов. Лейбористы также начали демонтаж институтов социального государства — одного из старейших в мире... Объявленные цели этой политики заключаются в том, чтобы вывести новозеландскую экономику, во-первых, из-под жесткого государственного контроля и высоких налогов на доходы к свободному рынку и низким налоговым ставкам и, во-вторых, поставить каждое новозеландское предприятие в условия, когда ему приходилось бы противостоять местной и иностранной конкуренции» (8).

В одном журнале социалистической ориентации была напечатана восторженная статья по поводу того, что Лейбористская партия Новой Зеландии продолжает следовать политике свободного рынка. В 1986 г., говорится в статье, бывший премьер-министр Лонги заявил, что «социал-демократы должны принять существование экономического неравенства, ибо оно есть тягловая сила, движущая экономику». Правительство сняло контроль за торговлей недвижимостью и отказалось от жесткой регламентации деятельности банков и других финансовых учреждений, а также транспорта. Оно почти полностью прекратило субсидии сельскому хозяйству, отменило запрет на увольнения на транспорте, одобрило все случаи слияния и поглощения одних фирм другими. Недифференцированному подходу к социальным программам был положен конец, нуждающиеся в помощи были подразделены в соответствии с четкой очередностью. Перемены в налоговой системе покончили с традицией устанавливать размеры налогов в зависимости от способности платить. Были приватизированы многие госпредприятия, включая авиакомпании, комплекс лесной промышленности, нефте- и угледобывающие фирмы, электростанции.

Хотя спад новозеландской экономики, вызванный общей экономической ситуацией в мире, лишил лейбористскую партию большого количества голосов на выборах,

правительство в своей политике продолжало следовать австралийской модели. В середине 1990 г. оно «заключило с Новозеландским советом тред-юнионов соглашение, по которому в 1991 г. предстояло ограничить требования о повышении зарплаты 2 %, т. е. в два с лишним раза меньше официально признанного уровня инфляции». Эта сделка была преподнесена председателем Совета как «соглашение по стратегии развития экономики, гарантирующее сохранность рабочих мест» (9).

Подобные перемены в экономической политике не означают, что партия отвернулась от своих социальных измерений. Как сообщает «Экономист», Лонги «намерен сделать Новую Зеландию богаче для того, чтобы правительство могло тратить больше денег на цели, которые оно определяет как «современные социалистические»: совершенствование системы образования, защиту окружающей среды, улучшение положения бедствующих туземцев маори. Он также ввел «гарантированный минимальный семейный доход, первоначально в размере 250 долл. в неделю на семью с одним ребенком». Лейбористская партия попыталась заручиться поддержкой левой интеллигенции, выступив против гонки ядерных и обычных вооружений.

ЮЖНАЯ ЕВРОПА

В ситуации, сложившейся в социалистических партиях четырех стран Южной Европы (Греции, Италии, Португалии и Испании), М. Галахер и А. Уильяме выделили то, что к концу 70-х годов марксистские установки в их программных документах были размыты либо просто проигнорированы. Радикальные экономические рецепты и планы уравнилительных политических мер в них отсутствовали или формировались в оппортунистическом ключе. И уж во всяком случае, ни одно правительство не пыталось применять специфически социалистические принципы в своей экономической политике (10). «Находясь у власти, все эти четыре партии продемонстрировали приверженность к в высшей степени ортодоксальной экономической политике... Это выразилось, в частности, в том, что почти не делалось попыток обеспечить существенные передвижки ресурсов в пользу рабочего класса или ограничить действия частного капитала, идущие вразрез с интересами общественного сектора экономики». Когда в Португалии в 1988 г. консерваторы сменили социалистов, новый премьер-министр (представитель правого крыла) подверг соцпартию острой критике за «крайности их экономической программы», выразившиеся в требовании жесткой экономии. В Греции правительство ПАСОК (1984—1989 гг.) также следовало программе жесткой экономии, которая привела к сокращению доходов трудящихся из-за налога, «стимулирующего новые инвестиции». Здесь показателен опыт Италии, где у власти находилось коалиционное правительство с участием социалистов и где существовала крупная коммунистическая оппозиция (ИКП), и Испании — с преобладанием социалистов в парламенте (11).

В Италии Беттино Кракси, лидер соцпартии, значительно уступающей по влиянию коммунистам (так сложилось исторически), в 1983 г. возглавил коалиционное правительство, основной силой которого были христианские демократы, и попытался опрокинуть традицию государственного вмешательства в экономику, существовавшую со времен Муссолини. После войны христианские демократы, сорок с лишним раз получавшие право на формирование правительства, расширили государственный сектор: они делали это, исходя из корпоративных и коммунитарных принципов социальной доктрины католицизма. В 70-е годы Кракси в поисках самостоятельной роли для своей партии, перед лицом модного влияния церкви, естественно, поддерживавшей христианских демократов, и компартии, опиравшейся на рабочий класс, модифицировал социалистическую идеологию. Его партия «стремительно продвигалась к политическому центру», провозглашая себя единственной «современной» партией в стране, которая способна представлять интересы нового растущего слоя, появившегося благодаря ускоренному экономическому развитию Италии (к этому слою относят процветающих владельцев малых предприятий, предпринимателей и специалистов) (12). Кабинет Кракси просуществовал три года — рекордный срок для послевоенных правительств. При нем началась приватизация промышленности, при нем профсоюзы вынуждены были пойти на серьезные уступки. Был приостановлен рост заработной платы; введено регулирование забастовок и произведена реформа институтов социального государства; правительство постепенно повысило возраст выхода на пенсию и ужесточило условия выплаты пособий по инвалидности. Стал менее строгим государственный контроль за ценами на земельные участки, с тем чтобы придать большую открытость жилищному рынку (13).

Социалисты собрали столько голосов, что смогли оспаривать доминирующее положение ИКП среди левых сил. Впервые за послевоенный период в мае 1989 г. на местных выборах они получили больше голосов, чем коммунисты (19, 1 и 16, 9 %) (между тем в 70-е годы электорат коммунистов увеличился на треть, а социалистов — на 10 %). По сравнению с 1976 г. ИКП потеряла часть голосов, сократились также ее ряды; это побудило ее модернизировать свою политику — прежде всего провозгласив свою независимость от Советского Союза и приверженность многопартийной плюралистической системе. Она одобрила факт членства Италии в НАТО и продемонстрировала неуклонный отход от марксизма. Последнее выразилось в безоговорочном признании достоинств рыночной экономики — еще до того, как в Советском Союзе к власти пришел Горбачев. В 1989 г. Д. Сингер отмечал, что ИКП «отказалась от нападков на капитализм. Она превратилась в социал-демократическую партию во всем, кроме названия... предлагает своим представителям выйти из коммунистической группы в страсбургском Европарламенте и учредить новую социалистическую фракцию» (14). Акилле Оккетто, политический секретарь ИКП, чуть позже заявил: «Мы не являемся частью международного коммунистического движения... От коммунизма как унитарной и целостной системы абсолютно ничего не осталось». Дело лишь за изменением названия, и Оккетто предлагает «переоснование» партии под новым именем и ее вступление в Социинтерн. В октябре 1990 г. ИКП была переименована в Демократическую партию левых сил. Оккетто настаивает: «Нам нужна демократия, но не в качестве средства для достижения социализма; демократия — сама по себе универсальная цель. Применительно к условиям Америки наша партия могла бы называться либеральной». Ему импонирует американская политическая система, которую он считает системой альтернатив и противовесов, позволяющих лучше, нежели в Италии, решать проблемы отношений между правящей политической партией и государством (15).

В Испании премьер-министр социалист Фелипе Гонсалес, переизбранный в 1989 г. на третий срок, способствовал тому, что соцпартия (ИСРП), которая в первое время после краха франкизма считала себя марксистской, стала выступать в поддержку приватизации, свободного рынка и за участие в НАТО (16). Несколько лет назад он заявил почти что в духе Черчилля: да, экономика конкуренции и свободного рынка порождает алчность и коррупцию, приводит к эксплуатации слабых, «и все же капитализм — наименее плохая из существующих экономических систем». Позднее, в 1988 г., он высказался в том смысле, что его заботит «существование не богатых, а бедных», чем хотел подчеркнуть преимущество экономического роста перед теориями перераспределения. Успешно примененные Гонсалесом способы поощрения экономического роста и обуздания инфляции породили мнение, что его правительство «несколько правее» команды г. Тэтчер. Среди мер, принятых кабинетом ИСРП, — замедление роста заработной платы и кредитные ограничения, т. е. политика, которая не могла не привести к конфликтам с профсоюзами. Но и после скромной победы на выборах в октябре 1989 г. Гонсалес продолжал настаивать на необходимости «благоприятной для испанского бизнеса и иностранных инвестиций» политики во имя высоких темпов экономического роста. «Социалисты полностью перешли на позиции поддержки рыночной экономики», констатировал мадридский корреспондент «Нью-Йорк тайме» (17).

ФРАНЦИЯ

Волна подобной умеренности — в идеологии и в программных установках — перевалила через Альпы и Пиренеи. Социалисты Франции (ФСП) «осознали, что приоритет должен быть отдан созданию богатства, а не перераспределению богатства в пользу менее зажиточных» (18).

Социалисты во главе с президентом Миттераном в 1981 г. считали своей исторической миссией национализацию и перераспределение доходов, но, быстро убедившись, что эти перемены приводят к результатам, противоположным ожидаемому, они уже с весны 1983 г. «фактически пересмотрели все приоритеты своего первоначального плана». Министр Ж. Делор признал: «Социалисты предполагают осуществить то, на что правительство Барра (консервативный кабинет, который ФСП критиковала и сменила после выборов 1981 г.) не решилось — из политических или социальных соображений».

Миттеран был вновь избран в 1988 г., и его премьер-министр Мишель Рокар, лидер социал-демократического (правого) крыла в соцпартии, в вопросах политики и экономики действует подобно Кракси и Гонсалесу*. Он также считает, что путь к социальной и экономической справедливости лежит через наращивание инвестиций, для чего требуется

сокращение налогов. Вместе с министром финансов П. Береговуа он сделал упор на ограничение роста заработной платы и отказался от мер по перераспределению доходов (19)

В 80-х годах социалисты отреклись от своей исторической неприязни к бизнесу и признали, что предпринимательство — именно та сила, которая обеспечивает рост производства, — способность, в минимальной степени присущая предприятиям госсектора. «Как только социалисты поняли, что капиталистическая курица не несет золотых яиц без заботы и поддержки, они принялись пересматривать свои представления о важности таких вещей, как предприятие, предпринимательство и прибыль» (20).

Во время выборов 1988 г. Миттеран и Рокар сделали необычный шаг, заявив, что когда одна партия, их собственная партия социалистов, имеет большинство в парламенте и своего человека в президентском дворце, то это неблагоприятно для страны. «Вредно, когда управляет одна партия», — сказал президент. Предпочтительнее, по его словам, чтобы у власти было центристское правительство: оно лучше уберезет страну от господства одной какой-то идеологии. Неудивительно, что, согласно данным обследования начала 90-х годов, «61 % французов не видит различий между правыми и левыми» (21).

ГЕРМАНИЯ И АВСТРИЯ

Социал-демократы Германии и Австрии отвергли марксизм раньше, чем их собратья в других странах Европы, заменив классовые установки популистскими. Как уже говорилось, Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) своей Бад-Годесбергской программой как бы проложила путь остальным участникам Социнтерна. В книге по новейшей истории Германии говорится: «Программа представляла собой фундаментальный сдвиг в мировоззрении партии от первоначальной приверженности марксизму и марксистского подхода к решению социальных и экономических проблем — к признанию достижений либерального капитализма... Поэтому была отвергнута прежняя цель — государственная собственность на средства производства...» (22). По словам политолога Р. Дэлтона, «Маркс был бы немало удивлен, познакомившись с Бад-Годесбергской программой и узнав, что одним из основных принципов экономической политики социал-демократов является свободная экономическая конкуренция» (23). В 1976 г. канцлер Х. Шмидт отметил заинтересованность правящей СДПГ в росте прибылей в государстве: «Сегодняшние прибыли предприятий обеспечивают завтрашние инвестиции, а завтрашние инвестиции обеспечат занятость послезавтра...» Возглавляя правительства с 1969 по 1982 г., социал-демократы не настаивали на каких-либо структурных или иных существенных переменах. Предложенные были ими «реформы, такие, как отпуска рабочим для получения образования или создание инвестиционных фондов под контролем трудящихся (мера, альтернативная национализации предприятий), были исключены из программы правительства Шмидта». В начале 80-х годов его кабинет в поисках способов контроля над государственной задолженностью останавливается на обширном сокращении средств на социальные нужды для неимущих и пособий по безработице; эту программу одобрили затем христианские демократы, сменившие у власти социал-демократов (24).

* В мае 1991 г. М. Рокара на посту премьер-министра заменила Э. Крессон. — Ред

Уступив место христианским демократам, СДПГ принялась за совершенствование своей программы. Созданная с этой целью в 1984 г. партийная комиссия проанализировала дальнейшие перспективы поддержания «социального государства» и пришла к выводу, что социал-демократы «смогут успешно защищать его перед лицом консервативных или либеральных критиков, только если партия публично выскажется за его разумную реформу». «Экономика просто не справится с социальной политикой, которая будет состоять исключительно в том, чтобы увеличивать долю расходов на социальные нужды в национальном доходе». Ведь для сохранения существующего уровня таких ассигнований потребовалось бы значительное повышение налогов, и комиссия сочла данную меру «вряд ли возможной или желательной» (25).

В 80-е годы «зеленые» отобрали у социал-демократов часть электората. СДПГ ответила на это принятием в декабре 1989 г. Берлинской программы, характеризуемой как «Бад-Годесбергская программа плюс феминизм, плюс защита окружающей среды» (26). В ней говорится, что «в условиях демократии рынок и конкуренция — необходимые вещи.

Благодаря рынку происходит эффективная координация действий бесчисленного множества агентов экономической деятельности. Конкуренция выгодна потребителям, она предоставляет им свободный выбор. Рынок — это инструмент, уравнивающий спрос и предложение». О. Лафонтен, кандидат от СДПГ на пост канцлера на выборах 1990 г., опираясь на своих сторонников главным образом среди представителей «нового среднего класса» и категорически отверг любое вмешательство правительства в экономический процесс: «Либо вы разрушаете эту систему, либо вы принимаете правила игры». Благодаря Лафонтену социал-демократы получили поддержку некоторых «современных предпринимателей», например, Э. Ройтера, президента совета директоров фирмы «Даймлер-Бенц (Мерседес)», с тех пор выплачивающего свои членские взносы в кассу СДПГ.

После второй мировой войны австрийская социалистическая партия (СПА) находилась у власти одна либо вместе со своим основным соперником. В Австрии в сравнении с другими западными странами самый крупный госсектор: он образовался в результате послевоенной национализации собственности Германии. Однако в том, что касается инвестиций, коллективных договоров и выплаты дивидендов, национализированные фирмы действовали как частные компании. Правительство не занималось экономическим планированием (27). Независимо от результатов парламентских выборов предприниматели, профсоюзы и правительство проводили политику корпоративного сотрудничества, целями которой были: сохранение экономической стабильности, предотвращение забастовок и стимулирование роста. Профсоюзы, связанные с социалистами, соглашались на ограничение роста заработной платы и тем самым способствовали поддержанию на низком уровне издержек производства. В середине 80-х годов, когда страна испытывала экономические трудности и бюджетный дефицит, правительство социалиста Ф. Враницкого прибегло к постепенной денационализации и отказу от регулирования экономики (28). Государственные банки и предприятия госсектора были либо проданы частным компаниям (местным или иностранным), либо их акции поступили на австрийскую и зарубежные фондовые биржи. Этой операции подверглись энергетические, железнодорожные, угледобывающие, сталелитейные компании, заводы по производству пластмасс и другие. Министр финансов социалист Ф. Лацина уменьшил налог на высокие доходы и добивается такой реформы пенсионной системы, при которой государственное страхование дополнялось бы частным.

Обе немецкоязычные социал-демократические партии продолжают придерживаться Бад-Годесбергской ориентации. Они приняли монетаристскую политику жесткого кредитного регулирования, проводимую Бундесбанком ФРГ. В условиях существования трех партий немецкие социал-демократы почти не могут рассчитывать на создание правительства большинства, да и их внутренняя политика мало чем отличается от политики крупной Христианско-демократической или Народной партии. По существу национальная политика двух стран определяется соперничеством лево- и правых партий. В Германии социал-демократы более критически относились к тесным связям с США и активнее поддерживали экологические реформы, чем их более мощные соперники.

СКАНДИНАВИЯ

Если мы обратимся к северу от центра европейской социал-демократии, к Скандинавии, то увидим, что история явно повторяется. Электорально наиболее мощная партия шведских социал-демократов (СДРПШ), которая находилась у власти с начала 30-х годов (с перерывом в два срока между 1976 и 1982 г.), изменила свою политику, предусматривавшую рост заработной платы, высокие налоги на прибыль и большие отчисления на социальные нужды... Парадоксально, что так называемые буржуазные партии — либералы, центристы и консерваторы — за первые три года правления (1976—1979) национализировали больше промышленных предприятий, чем социал-демократы за предыдущие 44 года. Но вернувшись к власти в 1982 г., социал-демократы занялись приватизацией (29). Далее с согласия профсоюзов их лидер У. Пальме осуществил девальвацию шведской кроны, добился конкурентоспособности шведского экспорта и увеличения занятости, но также способствовал сокращению реальных доходов имеющих работу (а ведь большинство из них голосовало за него). Однако в Швеции (как и в Австрии, где сходная ситуация) рабочее движение склонно придерживаться «солидаристских» ценностей, т. е. стремится выражать «общие интересы» трудящихся, а не специфические требования какого-либо сектора рабочей силы.

Шведские социал-демократы с середины 70-х годов пришли к решению направлять доходы с налогов на корпорации в общественный фонд, «контролируемый трудящимися», для выкупа в дальнейшем акций крупных производств. «Таким образом фонды могли бы открыть путь к созданию централизованной общественной собственности, что позволило бы в конечном счете овладеть командными высотами корпоративной шведской экономики». Предложение, однако, претерпело модификацию: был установлен предел в 8 % акций каждой корпорации. Дискуссия, развернувшаяся в стране вокруг этой темы, показала, что «население в целом и даже избиратели социал-демократов нередко отрицательно относились к реформе в опаске, что государство захватит слишком большую долю власти» (30).

Клас Эклунд, ведущий экономист в социал-демократической партии, писал в конце 80-х годов: «Традиционная стратегия социал-демократии послевоенного периода перестала работать. Она состояла в выявлении общественных потребностей, разработке программы по их удовлетворению, а затем — в повышении налогов для финансирования такой программы». Соответственно партия проводила политику энергичного обложения высоких доходов. К. Фелдт, бывший министром финансов на протяжении большей части 80-х, предпринял усилия к изменению налоговой системы путем резкого сокращения ее прогрессивности и подчеркнул, что стране необходима частная собственность, прибыль как побудительной мотив, а также различия в доходах и социальной защищенности. Он писал: «Гибкость рыночной экономики, ее возможности и — вследствие этого — экономический рост намного скорее помогут покончить с бедностью и с «эксплуатацией рабочего класса», чем любое политическое вмешательство в рыночную систему распределения». Фелдт утверждал, что партия не должна быть «антикапиталистической», потому нужно больше ориентироваться на рыночную экономику, а рост расходов на финансирование «социального государства» должен прекратиться (31). Несмотря на все более частые жалобы населения на плохие системы медобслуживания, образования, дошкольных учреждений, правительство стремилось создать конкуренцию в социальной сфере и именно таким путем повысить эффективность и качество обслуживания. Часть социал-демократов склонялась даже к приватизации основных социальных служб, в т. ч. больниц.

Нынешняя налоговая политика Швеции отражает эти перемены в ориентации социал-демократической партии. «В Швеции... налоги на прибыли корпорации обратно пропорциональны размерам и доходам корпораций. Иными словами, чем корпорация крупнее и прибыльнее, тем меньше налоговая ставка... В 1980 г. Швеция занимала последнее место среди стран ОЭСР по уровню обложения доходов корпораций. Мало того, социал-демократические власти особо поощряют концентрацию капитала». К тому же доходы бюджета, которые ранее обеспечивались поступлениями от налогов на личные доходы и прибыли предприятий, с 1991 г. будут заменены расширением налога на добавленную стоимость (налога на продажи), на более широкий ассортимент товаров и услуг (32).

Правительственная программа СДРПШ на 90-е годы предусматривает понижение ставок налогов, уплачиваемых многими шведами с высоким уровнем доходов, а также корпорациями для того, чтобы стимулировать людей работать дольше и вкладывать больше капитала в производство. В октябре 1990 г. в условиях экономического спада кабинет предложил резко сократить ассигнования на социальные нужды, включая отчисления на выплаты по болезни, а также ввести ограничения на рост заработной платы. Неудивительно, что один английский обозреватель отметил с сочувствием, что социал-демократическое правительство, столкнувшись с нынешними экономическими проблемами, обнаружило, что «некоторые рейгановско-тэтчеровские принципы почему-то оказались кстати» (33).

В Норвегии социал-демократы, образовавшие в октябре 1990 г. после года пребывания в оппозиции правительство парламентского меньшинства, пытаются подражать своим шведским соседям. Ранее правительство Партии труда уже предотвратило рост заработной платы и провело девальвацию кроны (что позволило справиться с инфляцией), но при этом безработица увеличилась вдвое. На протяжении 80-х годов социал-демократы занимались активной «самокритикой» и пересмотром своих традиционных идеологических установок. Их новая программа была рассчитана на то, чтобы раз и навсегда освободить партийный словарь и символику от марксизма, дабы сделать партию более гибкой и компетентной, превратив ее в универсальный механизм управления «постиндустриальным» или «посткапиталистическим» обществом. Норвежский политолог У. Лэффerti предвидит, что идеологическим результатом этого

процесса может быть такое положение, при котором «капитализм больше не будет восприниматься как антитеза социалистическому гуманизму.

Рынок никто не будет считать нежелательным уклонением от рационального планирования,... классовые конфликты и классовые интересы перестанут казаться решающими и непреложными» (34).

Социал-демократия в Дании всегда была умеренной и меньше других своих скандинавских аналогов настроенной антикапиталистически, отчасти вследствие медленных темпов индустриализации в начальный ее период и относительной долговечности доиндустриальных структур (35). Как заметил Г. Эспин-Андерсен, «возможно, ни одна из социалистических партий так ловко не ладила с парламентской демократией и капитализмом, как датская... Ее экономическая политика упрятана в либеральную (рыночную) упаковку» (36).

АНГЛИЯ И КАНАДА

Лейбористская партия Англии (ЛПВ), признанная наиболее важным оппозиционным движением левых сил в Европе, трижды потерпела поражение от возглавлявшихся г. Тэтчер тори. До 1989 г., когда Н. Киннок привел партию в ряды умеренных социал-демократических течений, лейбористы ориентировались на экономическую политику, опирающуюся на государство и профсоюзы в большей мере, чем любая другая социал-демократия. Ее внешняя политика, нацеленная на одностороннее разоружение, получила прозвище «голубиной». Подталкивая партию ближе к центру, Киннок надеется собрать голоса ее правого крыла, рассеянные в результате раскола на группировки.

Подводя в мае 1989 г. итоги своей двухлетней деятельности, лидеры партии заявили, что ЛПВ удалось «расстаться со старомодными идеями национализации и одностороннего разоружения и научиться любить рынок, потребителей и капитализм». Журнал «Экономист» отметил, что они «заговорили как Рокар и Гонсалес» и теперь смотрят на рынок как на «главный двигатель экономической активности». Дэвид Марканд, идеологический лидер либерально-демократической партии, который вышел из ЛПВ по причине ее «чрезмерной левизны», утверждал, что ныне она стала еще одной социал-демократией Европы, выступающей за смешанную экономику и сделавшей солидный шаг в сторону центра.

Н. Киннок же считает, что задача его партии состоит в том, чтобы заставить капитализм «работать на мировом рынке более эффективно, честно, успешно; что национализация промышленности — это не социализм, а отказ от трезвого взгляда на действительность». Почти повторяя слова О. Лафонтена, Киннок заявил в 1989 г.: «Наша экономика — рыночная, и мы должны заставить ее работать лучше, чем это могут сделать тори». В недавнем политическом манифесте лейбористов «Взгляд в будущее» говорится, что партия отказывается от того, чтобы добиваться «полной занятости или даже сокращения безработицы», а в Англии она намного выше, чем в США. В программе ЛПВ 1983 г. указывалось, что ей близко партнерство с профсоюзами, однако в 1990 г. она нацелилась на «новый крепкий союз между правительством и обеими социальными сторонами в промышленности». После съезда Либерально-демократической партии в 1990 г. один из журналов левой ориентации высказал мнение, что эта центристская партия находится «левее лейбористской, даже если подобное утверждение и выглядит весьма странно: каким это образом бывшие либералы обошли бывших социалистов» (37).

Комментируя в своей передовой статье перемены в позициях лейбористов, «Файнэншл тайме» отмечает, что «их согласие со многими реформами консерваторов в области трудовых отношений, с большей частью осуществленных ими мер по приватизации и по сокращению размеров государственных ассигнований выглядит, пусть даже против их воли, признанием заслуг премьерминистра», т. е. Маргарет Тэтчер (38).

Поворот лейбористской партии вправо на фоне коллапса коммунистической идеологии и окончания холодной войны привел к оживлению проамериканского курса в ее внешней политике. Лейбористская партия даже начинает выдавать себя — подумайте только! — за лучшего союзника американского президента-республиканца. Тирады М. Тэтчер против европейской интеграции, ее упрямое сопротивление разоружению, если верить умозаключениям лейбористов, непоправимо подорвали ее отношения с Белым домом. Раз Британия при Этли была союзником номер один Соединенных Штатов в

холодной войне, то Британия при Киннокке будет идеальным партнером для США в более мирные времена (39).

Небольшая оппозиционная социал-демократическая партия — Новые демократы Канады (НДК) — последовала примеру лейбористов. В 1989 г. Эд Бродбент, тогдашний лидер партии, заявил: «Когда мы бурно обсуждаем проблемы будущего, речь вовсе не идет о желательности рыночной экономики. С точки зрения большинства здравомыслящих людей здесь и обсуждать нечего... Новые демократы верят в рынок, включая частные инвестиции и собственность, снижение тарифов, право на прибыль, самостоятельное принятие решений. Наша политика строится в соответствии с тем, как развивается мир».

Позиции новых демократов всегда сильнее на местных, а не на общенациональных выборах. В сентябре 1990 г. они получили большинство мест в законодательном собрании богатейшей и густонаселенной провинции Онтарио (38 % голосов избирателей). Во время предвыборной кампании новые демократы говорили о необходимости увеличить расходы на поддержание институтов социального государства и повысить налоги на корпорации, хотя лидеров партии нельзя было назвать радикалами (40). Консервативная и ориентированная на предпринимателей газета «Глоб энд мейл» писала, что «НДК в провинции Онтарио возглавляют люди, которые заикаются, когда говорят об экономическом социализме... А верят они только в то, что смогут управлять капиталистическим свободным рынком более гуманными средствами, чем это делают сами капиталисты-рыночники» (41).

Глава правительства Онтарио Б. Рае принял на себя обязательство консультироваться с руководителями бизнеса и обещал, что его правительство «будет вести себя ответственно в вопросах налоговой политики». На высказывавшиеся в его адрес опасения, что он отрицательно настроен по отношению к бизнесу, он отвечал: «Рабочий человек лучше, чем кто-либо другой, понимает, что его работа зависит от состояния экономики». Он пошел на попятный в вопросе об общественной собственности на коммунальные службы, одобрив продажу крупнейшей в Канаде компании по снабжению бытовым газом одной английской фирме. Рае заявил, что это решение — «своего рода сигнал тем людям в Онтарио, которые размышляют, куда бы им вложить капитал... мы готовы заниматься бизнесом..., мы — практичные люди». И лишь теперь Рае признал, что раньше был сторонником национализации этой компании, но в роли премьер-министра переменял мнение, так как понял, что «цена оказалась чересчур высокой». Реальность рыночной экономики заставила НДК «отказаться от предвыборных обещаний установить контроль над продажей земельных участков и, более того, разработать систему, которая бы подходила и землевладельцам, и арендаторам. Аналогично новые демократы поступили со своими предвыборными намерениями ликвидировать компенсации землевладельцам за стоимость недвижимости и затраты» (42).

Националистическая Квебекская партия (КП) — крупнейшее движение социал-демократического толка во франкоговорящей Канаде — находилась у власти в этой провинции с 1976 по 1985 г. Схема их поведения напоминала действия социалистов в правительстве Франции: вначале — ряд вполне социал-демократических мер (национализация ряда предприятий, повышение минимума зарплаты и расходов на государственные медицинские учреждения). Но при столкновении с ростом инфляции и безработицы они стали пересматривать свой курс и с 1978 г. задалась вопросами об эффективности национализированных предприятий и о том, что новейшая мировая экономическая мысль предлагает опираться преимущественно на частный сектор. В начале 80-х годов они пошли на резкое сокращение государственных расходов (включая снижение реальных доходов госслужащих), что привело к ожесточенным конфликтам с профсоюзами госслужащих (43). После поражения на выборах Квебекская партия продолжала отход от этатистских элементов в своих идеологических установках.

АЗИЯ: ЯПОНИЯ И ИЗРАИЛЬ

Обратимся к двум экономически развитым демократическим странам Азии — Японии и Израилю, и посмотрим, как развивается уже отмеченная нами и характерная для 80-х годов тенденция отступления социалистов на более умеренные идеологические позиции.

Социалистическая партия Японии (СПЯ) долгие годы существовала в своего рода электоральном гетто, очерченном ее марксистскими установками и однозначно нейтральным курсом в вопросах национальной обороны, не находя в себе сил бросить

политический вызов многолетнему правлению Либерально-демократической партии (ЛДП). Лишь скандал, потрясший правительство ЛДП в 1989 г., заставил социалистов вступить в непосредственную борьбу за власть*. Такако Дои, первая женщина, возглавившая тогда СПЯ, выразила решимость преодолеть «инерцию вечной оппозиционности и обратиться ко всем слоям населения». Другой партийный деятель, Сукио Ива-таре, с удивлением заметил, что «обсуждаются возможности компромисса», а это всегда было чуждо партии, исповедовавшей догматический марксизм и привыкшей к тому, что ей не удавалось воздействовать на ход государственных дел. Ведь Дои предложила отказаться от «заинтересованности в национализации частных предприятий Японии...» (44) и больше не упоминала о разоружении японской армии, о расторжении 30-летнего японо-американского договора о безопасности или о закрытии атомных электростанций, от которых страна получает треть всей электроэнергии. «Джапан экономик джорнэл» отметил, что при Дои партия поддерживает капиталистическую экономику и свободную торговлю, больше не настаивает на национализации корпораций, а также смягчила свою позицию относительно ограничения частной инициативы. В свою очередь «Экономист» указал на то, что большинство социалистов убедились в плачевном состоянии подконтрольных государству отраслей экономики. В результате, по мнению политолога Масатаки Косаки, «лишь немногие японцы... продолжают считать, что в случае прихода социалистов к власти Япония станет социалистической. Впервые эта перспектива не вызывает у японцев тревоги» (45). Крис Рассел, руководитель группы независимых аналитиков в одной из ведущих страховых компаний в Токио, полагает, что «соцпартия Японии правее многих правых партий в других странах... Приди она к власти, ее политика не будет сколь-нибудь резко отличаться от линии правительства ЛДП» (46).

* Имеется в виду скандал с подкупом должностных лиц компанией «Рикруто», в результате которого премьер-министр К. Танака и некоторые другие деятели ЛДП вынуждены были уйти в отставку — Ред.

На другом конце Азии сходные процессы наблюдаются в Израиле. Речь идет о том, что социалистическое движение, уходящее корнями в идеологические традиции Восточной Европы и России, да и руководимое выходцами оттуда, трансформировалось в движение, признающее необходимость рынка как основы сильной национальной экономики и повышения жизненного уровня трудящихся многих находящихся в депрессии отраслей. Задолго до создания государства Израиль (в 1948 г.) здесь стало складываться общество с преимущественно коллективистскими чертами, «предводительствуемое и управляемое людьми и институтами..., глубоко связанными с социал-сионистской идеологией: профсоюзным образованием Гистадрут, левыми партиями и кибуцами» (коллективными хозяйствами). С самого своего основания иммигрантами Гистадрут объединял не только 90 % наемной рабочей силы, но был также и «самым крупным в стране работодателем — со своими заводами, строительными компаниями, транспортом, сельскими хозяйствами, банками, газетами и журналами, кооперативами и медицинскими учреждениями» (47). В холдинговой компании Гистадрута «Хеврат Овдим» занято 22 % рабочей силы страны. Ее мощнейшую многоотраслевую фирму КООР журнал «Форчун» включил в список 500 крупнейших корпораций мира, так как на долю КООР приходилось «10 % израильского ВВП (35 млрд. долл.) и 12 % промышленного экспорта» (48).

Социалисты, возглавлявшие правительства в 1948—1977 гг., распространили госсобственность на самые различные сферы: воздушный и морской флот, железные дороги, авиастроение, коммунальные службы, химическую промышленность. Если учесть все формы бизнеса, не ставящие цели извлечения прибыли (производственные кооперативные предприятия Гистадрута и госсектор), то в Израиле была самая социализированная экономика в некоммунистическом мире.

По мере того, как Израиль вбирал в себя иммигрантов, не приверженных социалистическим идеям, а в его экономике неуклонно расширялся частный сектор, многие социалистические установления начали обнаруживать неэффективность: относительную (т. е. в сравнении с частными компаниями) и абсолютную (в виде прямых убытков). Восторги по поводу предприятий, не ставящих целью прибыль, стали сходить на нет. Социалисты потеряли большинство в парламенте на выборах в 1977 г. и с тех пор так и не смогли отвоевать прежние позиции, хотя и входили с 1986 по 1990 г. в коалиционное правительство с правым блоком Ликуд.

Большинство израильских экономистов (включая поддерживающих левых за их поиски компромисса с палестинским движением) оказывают нажим на социалистов, побуждая их ориентироваться на политику свободного рынка (49). В 80-х годах многие

бесприбыльные предприятия, в т. ч. ряд компаний из КООП или госпредприятий, попали в список объектов для приватизации.

Партия труда и Гистадрут, хотя и стремятся сохранить кибуцы, но все больше осознают необходимость распродажи предприятий, находящихся в коллективной или государственной собственности. Продаются госпредприятия — такие как авиакомпания «Эл ал», компания телекоммуникаций «Безак», химическая «Израэл кемиклс», фирма «Цим Кейблс». Лидер Партии труда (социал-демократия) Шимон Перес (сначала премьер-министр, а затем министр финансов в коалиционном правительстве в 1989—1990 г.) в качестве «главного финансиста» заявил, что считает «приоритетом поощрение инвестиций и создание новых рабочих мест. Сиюминутные социальные проблемы отступают на второй план». Но чтобы добиться такой цели, объяснили его экономические советники, ему придется сократить бюджет за счет расходов на социальные нужды. Перес принял эту рекомендацию и вдобавок предложил отмену бесплатного школьного образования, дотации на некоторые продовольствия, кредитов на жилье молодоженам, а также сокращение расходов на социальное страхование и выплату семейных пособий. О его ближайшем советнике и бывшем замминистра финансов Иосси Бейлине «Джерузалем пост» пишет как о «социалисте, который решительно выступает за приватизацию». Мало того, он считает, что экономическому росту Израиля мешает тот факт, что не все фирмы и предприятия находятся «во власти благотворной стихии ничем не сдерживаемой конкуренции» (50).

Гистадрут признал необходимость аналогичной политики по отношению к предприятиям, являющимся собственностью коллективов. Фирма КООП, находясь под угрозой банкротства из-за наличия в ее составе многих убыточных предприятий, сначала не шла на увольнение лишних рабочих и соглашалась на повышение зарплаты, не обеспеченное прибылью, но в конечном счете было решено продать ее частным (неизбежно, видимо, иностранным) вкладчикам. Администрация фирмы постепенно закрывает или продает свои предприятия (не менее двух дюжин). В сущности, КООП, уподобляясь в этом отношении многим социал-демократическим и коммунистическим правительствам, совершила, говоря словами одного из своих руководителей, «переход к рыночному мышлению». Генсек Гистадрута Израэл Кессар указал на сходство с проблемой, стоящей перед его организацией и экономикой стран Восточной Европы: «С прекращением финансовой помощи убыточным предприятиям Гистадрут переживает перестройку». Таким образом, израильские социалисты, как и их единомышленники в других странах, публично признали законы рынка.

ЕВРОПА

Появление объединенной Европы стало величайшим триумфом исторических интернационалистических ценностей социалистов. В Европарламенте это течение образует самую крупную фракцию. Наряду с социалистами построение Европейского сообщества (ЕС) объявили своей целью также итальянские коммунисты. Режис Дебре, ведущий французский интеллектуал и советник Миттерана по международным делам в 1983—1989 г., писал: «Свободное движение капиталов через национальные границы в либеральной Европе после 1992 г. приведет к существенному сокращению поступлений от обложения доходов от капитала и, следовательно, к усилению налогового бремени на заработную плату из-за того, что роль государства в перераспределении доходов будет все время уменьшаться. Не будем забывать, что в Европейской социальной хартии открыто упоминается в качестве защищаемого законом права свобода не вступать в профсоюз» (51).

Почему же социалистические партии всех индустриально развитых стран взяли курс на умеренность? Почему они стали питаться к капитализму? Очевидно, что на этот вопрос нет простого и однозначного ответа. Можно предложить к обсуждению две группы факторов: необходимость считаться, во-первых, с требованиями экономики и, во-вторых, поведением избирателей. Упомянутый сдвиг стал явным с середины 70-х годов, когда подошел к концу долгий период стабильного роста экономики, полной занятости и низкой инфляции. Нефтяной шок на рынке вызвал резкий скачок цен и спад производства во всем развитом мире; оказалась подорванной вера в кейнсианскую модель, экономическое планирование и возможность непрерывного расширения сферы действия социального государства за счет все более высокого уровня налогообложения (52). По иронии судьбы именно постулат классической экономической теории, согласно которой прибыли необходимы для инвестиций и экономического роста, и заставил некогда радикальные партии и профсоюзы признать необходимость ограничения зарплаты. Марксистский

исследователь Адам Пржеворский утверждает, что нынешние социал-демократы стремятся «защитить прибыли от требований масс, поскольку радикальная политика перераспределения доходов не в интересах наемных тружеников» (53). Американский социалист-теоретик Майкл Харрингтон пришел к следующему выводу: «Пример Франции доказывает, что левые силы должны отказаться от попыток перераспределения национального богатства с помощью политики доходов. Миттеран и его команда убедились, к своему сожалению, что это служит контрстимулом росту занятости и при прочих равных условиях увеличивает безработицу» (30, р. 151). Как уже говорилось, послевоенный опыт убедил социалистов в неэффективности госпредприятий и в стимулирующей роли конкуренции в отношении инновационных процессов. Они также освоили ту истину, что широкоохватные программы социальной защиты требуют непомерно больших средств, порождают бюджетный дефицит и инфляцию и что высокие налоги на доходы замедляют экономический рост.

Однако экономическая целесообразность — не единственная причина перемены политики социалистов. Электоральные соображения также, очевидно, сыграли здесь свою роль.

Против традиционных левых сил оказались и общемировые тенденции изменения в социальной структуре, особенно выраженные в индустриальных обществах. Доля заводских рабочих и работников ручного труда устойчиво снижается, в противоположность повышению спроса на более квалифицированных, образованных, технологически обученных работников (54). Последние категории трудящихся оказывают широкую поддержку требованиям неэкономических, или постматериальных, реформ. Речь идет о защите окружающей среды или легализации абортов, равноправии полов или гарантии прав расовых меньшинств и т. д., включая «раскованный стиль жизни». Наряду со сравнительно обеспеченными слоями новые категории образованных рабочих возражают против высоких налогов и вмешательства государства в экономику (55, р. 258—264, 318—321).

Данный вывод подтверждается анализом изменений в ценностных ориентациях массового избирателя, как это явствует из результатов обследований систем ценностей в странах ЕС. Такие исследования показывают, что в 70—80-х годах общественные взгляды «менялись в пользу свободной конкуренции, происходила переоценка представлений об экономическом статусе индивида, его способности добиваться успеха. Напротив, утрачивали основу позитивные мнения о перераспределении ресурсов, социальном эгалитаризме и вмешательстве государства в экономику ради достижения последнего». «В то время, как «левые» (материалистические) ценности теряли свою притягательность, на другом полюсе набирали силу требования иного, «культурного» измерения, отражающие перемены в моральных и религиозных представлениях, взглядах на семью и процессы социализации отношений полов...» (56). Традиционно левое выдвижение на первый план экономических интересов и требований социальной защищенности неизменно связывалось с принадлежностью к определенному имущественному слою; осознание этой социально-классовой принадлежности ослабло во всех возрастных категориях, но все же ориентация на постматериальные общественные ценности отчетливо проявляется среди молодежи и лиц с более высоким уровнем образования (55, р. 77—92). Потому-то левые партии, теряющие массовую базу в результате сокращения рабочего класса, вынуждены искать лозунги, способные привлечь молодых представителей среднего класса.

Подобные перемены не означают, что социал-демократические партии утратили поддержку в народе или что их вытеснили другие силы. Исследованиями доказано, что с 1945 по 1989 г. доля голосов, поданных за социал-демократов объединенной Европы, не сократилась, а напротив, оказалась на удивление стабильной (57).

Разумеется, выделяя данный общий феномен, я вовсе не хочу сказать, что во всех странах ситуация одинакова и что все социал-демократические партии проводят одну и ту же политику. В некоторых случаях (особенно это касается Южной Европы, Франции, Греции, Испании и Италии) с середины 70-х годов социал-демократы увеличивали на выборах число своих сторонников. Другие, преимущественно в Бельгии, Германии, Ирландии и в Скандинавии, теряли голоса. Одним удавалось получить большинство и возглавлять правительство (отдельным партиям, видимо, и впредь будет удаваться это); список таких стран мог бы включать Францию, Грецию, Австрию, Швецию и Испанию — в Европе; Австралию, Англию, Ямайку и Новую Зеландию — в государствах Содружества. Социал-демократические партии в иных обществах — от Ирландии до Канады, в Италии, Португалии, Бенилюксе, Германии, Дании, Исландии, Финляндии, Швейцарии, Чили и

Японии — действуют в таких многопартийных системах, где могут рассчитывать лишь на включение в коалиционное правительство с несоциалистическими силами. Факторы, определяющие разный уровень электоральной поддержки, столь различны, что здесь нет возможности разбирать их. Они варьируются и в зависимости от природы исторически сложившихся социальных структур в данной стране, и от количества интенсивности других политически значимых аспектов социальной дифференциации (например, религиозных, культурно-языковых различий), не в последнюю очередь — от особенностей национальных избирательных систем.

Различны также и политические установки партий. Швеция пока идет впереди всех в том, что касается программ развития социального государства; Австралия же в данном отношении отстает от всех других стран, где у власти социал-демократы. В Австрии относительно самый большой госсектор, представленный самостоятельно действующими предприятиями. В Германии государственная собственность занимает куда более скромное место в экономике, а в Швеции ее еще меньше. Но мне хотелось бы еще раз подчеркнуть: независимо от того, как те или иные социал-демократические партии относились ранее к вмешательству государства в экономику, к программам перераспределения доходов и созданию институтов социального государства, все они в 80-е годы повернули в сторону классического либерализма, к политике более свободной конкурентной экономики и стали делать упор на рост производительности, а не на перемещение доходов от одних групп населения к другим.

Подобное развитие было в точности сформулировано ветераном австромарксизма Йозефом Хиндельсом в 1974 г., когда он предсказал появление «социал-демократии без социализма». Он имел в виду партию, роль которой сводится к «модернизации» капиталистической системы и которая «отказалась от воображаемого социализма и иллюзорного нового общества» (58).

1. Систематику см. Clotas S. *Las Transformaciones del Socialismo en los Anos Setenta-Ochenta*. — "Leviatan", Autumn 1989, p. 95—106.

2. См. Dahrendorf R. *Mostly About the Strange Death of Socialism and the Mirage of a "Third Way"* — In *His: Reflections on the Revolution in Europe*. N. Y., 1990, p. 42—77.

3. См. Upset S. M. *Radicalism or Reformism: The Sources of Working Class Politics*. — In: Lipset. *Consensus and Conflict: Essays in Political Sociology*. New Brunswick, 1985, p. 219—252.

4. Hobsbawm E. *Lost Horizons*— "New Statesman and Society", 14. IX. 1990, p. 16, 18.

5. Анализ изменений в социал-демократических партиях см. Kirchheimer O. *Politics, Law, and Social Change: Selected Essays*. N. Y., 1969; Upset S. *Af. Revolution and Counterrevolution: Change and Persistence in Social Structures*. New Brunswick, 1988 paperback edition, first edition published in 1970, p. 267—304; Tucker R. *The Marxian Revolutionary Idea*. N. Y., 1969, p. 185—186; Dahrendorf R. *Life Chances: Approaches to Social and Political Theory*. Chicago, 1979, p. 106; Miliband R. *Divided Societies: Class Struggle in Contemporary Capitalism*. Oxford, 1989, p. 74—78.

6. Beilharz P. *The Australian Left: Beyond Labourism*. — In: *Socialist Register 1985/1986*. L., 1986, p. 213-216; Carew E. Keating. L., 1989.

7. *Australia Off the Dole*. — "The Economist", 29. IX. 1990, p. 38.

8. Douglas R. *The Politics of Successful Structural Reform*. — "The Wall Street Journal", 7. 1. 1990, p. A20.

9. Hayward D. *NZ Pact With Unions Limits Wage Rise Demands to 2 %*. — "Financial Times", 18. IX. 1990, p. 7.

10. Gallagher T, and Williams A. M. *Introduction*. — In: *Southern European Socialism*. Manchester, 1989, p. 3.

11. Williams A. M. Socialist Economic Policies: Never Off the Drawing Board? — In: Southern European Socialism. Manchester, 1989, p. 189—191; Lyrintzis C. PASOK in Power: The Loss of the "Third Road to Socialism". — In: Southern European Socialism. Manchester, 1989, p. 42—43.
12. Hellman S. Politics Italian Style. — "Current History", 1988, November, p. 367, 394.
13. DiScala S. M. Renewing Italian Socialism: Nenni to Craxi. N. Y., 1988, p. 221—222.
14. Singer D. Achille's Gamble. — "The Nation", 24. IV. 1989, p. 545.
15. Parmalee J. Italian Communist Chief Reshaping Party Image. — "The Washington Post", 16. V. 1989, p. A12.
16. Share D. Dilemmas of Social Democracy in the 1980s: The Spanish Socialist Workers Party in Comparative Perspective. — "Comparative Political Studies", 1988, October, p. 408—435.
17. Riding A. The Spanish Victory: A Mandate for the Socialists. — "The New York Times", 31. X. 1989, p. A3.
18. Hearst W. American Trade and Aid. — "San Francisco Examiner", 5. XI. 1989, p. A25.
19. LaFranchi H. Socialist Party Searches for Identity. — "The Christian Science Monitor", 5. III. 1990, p. 4.
20. Friend / . W. Seven Years in France: Francois Mitterrand and the Unintended Revolution, 1981—1988. Boulder, 1989, p. 11.
21. Bell D. Party Games. — "New Statesman and Society", 16. III. 1990, p. 21.
22. Bark D. L. and Gress D. R. From Shadow to Substance 1945—1963. Oxford, 1989, p. 445.
23. Dalton R. V. Politics in West Germany. Glen view, 1989, p. 260, 286; Blumenthal G. The Social Democratic Party etc. — In: West German Politics in the Mid-eighties: Crisis and Conformity. N. Y., 1989, p. 84.
24. Beyme K. Policy-making in the Federal Republic of Germany: A Systematic Introduction. — In: Policy and Politics in the Federal Republic of Germany. L., 1985, p. 9—10.
25. The Future of the Social Welfare State. — In: Policy and Politics in West Germany. Philadelphia, 1987, p. 204—205.
26. Goodhart D. SPD Agrees Programme Under Shadow of German Question. — "Financial Times", 21. XII. 1989, p. 2.
27. Katzenstein P. J. Corporatism and Change: Austria, Switzerland and the Politics of Industry. Ithaca, 1984, p. 49—51, 65.
28. Mueller W. C. Privatizing in a Corporatist Economy: The Politics of Privatization in Austria. — "West European Politics", 1988, October, p. 108—113.
29. Pontusson J. The Triumph of Pragmatism: Nationalization and Privatization in Sweden. — "West European Politics", 1988, October, p. 129, 133—136.
30. Harrington M. The Next Left. The History of a Future. N. Y., 1989, p. 116; Steinmo S. Social Democracy vs. Socialism: Goal Adaptation in Social Democratic Sweden. — "Politics and Society", 1988, December, p. 434.

31. Taylor R. The Acceptable Face of Socialism. — "Financial Times", 16. VI. 1988, IV, p. 4.
32. Crovitz G, Sweden's Crackup. Eastern Europeans Learn There's No Middle Way. — "Barren's", 23. VII. 1990, p. 10.
33. Spybey T. Heart of Palme. — "Times Higher Education Supplement", 19. X. 1990, p. 32.
34. Lafferty W. M. The Political Transformation of a Social Democratic State. — "West European Politics", 1990, January, p. 98—99.
35. Upset S. M. Political Man: The Social Bases of Politics. Baltimore, 1981 expanded edition, p. 54—55.
36. Esping-Andersen G. Politics Against Markets: The Social Democratic Road to Power. Princeton, 1985, p. 196, 215.
37. Editorial Trading Places. — "The New Statesman and Society", 21. IX. 1990, p. 4.
38. Labour and the Economy. — "Financial Times", 21. V. 1990, p. 14.
39. Baxter S. Them and US. — "The New Statesman and Society", 17. VIII. 1990, p. 6.
40. Upset S. M. Anti-Incumbancy: In Canada, Too? — "American Enterprise", 1990, November/ December, p. 22—23.
41. Valpy M. Brushing Away Chaff From Election Thinking. — "The Globe and Mail", 6. IX. 1990, p. A5A.
42. Mackie R. NDP Won't Keep Promise on No-Loophole Rent Controls. — "The Globe and Mail", 8. XI. 1990, p. 1.
43. Fitzmaurice J. Quebec and Canada, Past, Present and Future. L., 1985, p. 198—200.
44. Weisman S. R. After Victory, Japan Leftists Face Scrutiny. — "The New York Times", 30. VII. 1989, p. 9.
45. Sanger D. Japan's Opposition. — "The New York Times", 21. VII. 1989, p. A3.
46. Moffat S. Maybe Japan Doesn't Really Need Political Leadership. — "The Japan Times", 14. VIII. 1989, p. 17.
47. Arian A. Ideological Change in Israel. Cleveland, 1968, p. 6, 61.
48. Rubin B. Koor: Israel's Economic Crisis of Faith. — "Midstream", 1989, November, p. 3—4.
49. См., например, Mandel R. Israel. — In: American Jewish Year Book 1989, vol. 89. N. Y., 1989, p. 414.
50. The Socialist Who Pushes Privatization. — "The Jerusalem Post International Edition", 16. VI. 1990, p. 20.
51. Debray R. What's Left of the Left? — "New Perspectives Quarterly", 1990, Spring, p. 27, 64.
52. Panitch L. The Impasse of Social Democratic Politics. — In: The Socialist Register, 1985/6. L., 1986, p. 54—56.
53. Prezeworski A. Capitalism and Social Democracy. Cambridge, 1985, p. 43.

54. Prezeworski A. and Sprague J. Paper Stones: A History of Electoral Socialism. Chicago, 1986, p. 31—45; Hobsbawm E. Politics for a Rational Left. L., 1989, p. 10—22.

55. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990.

56. Lesthaegh R. and Moors G, Rationality, Cohorts and Reproduction. Interuniversity Programme in Demography Working Paper, 1990—1. Brussels, 1990, p. 119—122.

57. Kavanaugh D. Introduction to European Politics and Policies. — In: Politics in Western Europe. Stanford, 1988, p. 12—13; Merkel W. After the Golden Age: Is Social Democracy Doomed to Decline? Paper Presented to the Conference "The Crisis of Socialism in Eastern and Western Europe". Un. of North Carolina, 6~8. IV. 1990.

58. Sully M. A. Continuity and Change in Austrian Socialism: The Eternal Quest for a Third Way. N. Y., 1982, p. 211.

Часть 2.

ТРЕТИЙ МИР: ЛЕВЫЕ СЛЕДУЮТ КУРСОМ ПЕРЕМЕН

Ход дел в третьем мире в последнее время напоминает рисунок событий в Восточной и Западной Европе. Наблюдается, иными словами, тенденция к сдвигу от этатистских установок к принятию правил рынка и, по крайней мере на словах, преимуществ политического плюрализма (1). Подобные перемены отчасти отражают события в индустриально развитых странах и совершаются порой под прямым влиянием того опыта и тех констатации, которые делают социалисты и коммунисты в первом и втором мирах**. Руководители и экономисты индустриальных стран дали понять левым в третьем мире, что экономика, превращенная в собственность правительства, не работает и обречена на провал. Некоторые из них даже откровенно признали, что свободный рынок и капиталистические порядки указывают дорогу к экономическому успеху.

Еще важнее оказался собственный опыт стран третьего мира, и в том числе крах коллективных и государственных предприятий в промышленности и сельском хозяйстве, которые зачастую финансировались за счет иностранных кредитов. Кредиты в свою очередь рассматривались как предпочтительная альтернатива иностранным инвестициям и оправдывались верой в импортозамещающий возможности протекционистской политики. Большинство африканских стран сделали для себя то открытие, что государственное вмешательство может подрывать экономический рост (2). Ранее многие из них отвергли любые рекомендации по созданию благоприятных условий для иностранных инвестиций (полагая, что эти последние ведут к ущемлению их суверенитета) в пользу кредитов как источника финансирования национальной экономики. В результате они погрязли в долгах и оказались в жесткой зависимости от колебаний спроса на мировом рынке. Между тем в понижающей фазе цикла экономического развития — подобной той, которую мы переживаем на протяжении последнего десятилетия, — иностранные инвесторы резко сокращают объем операций или даже изымают свои вложения.

Политики третьего мира имели возможность убедиться, что успешно развивающиеся страны — это те, где делается больший упор на развитие рыночных отношений: речь идет о так называемых новых индустриальных странах (НИС) Азии, а также о Чили и Ботсване. Особенно примечательны перемены в Латинской Америке. Л. Робинсон делится наблюдениями о «паразитической новизне в облике Латинской Америки: поколение политиков, стоящих ныне у власти в этих странах, выросло на литературе по теории зависимого развития, объяснявшей всю опасность опоры на иностранный капитал. Сейчас эти книги пылятся в углу... » Ведущие страны Латиноамериканского континента под руководством своих популистских лидеров повсюду проводят приватизацию и создают стимулы для иностранных капиталовложений (3). Развитие событий на Кубе, еще недавно образцовой для всех латиноамериканских левых, способствовало утрате веры в социализм. Как отмечает влиятельная деятельница Колумбии К. Лопес Обрегон, кубинская система явила собой пример «оглушительного провала» в экономике. Колумбийский

писатель П. Апулейо Мендоса, в прошлом — сторонник Кастро, полагает, что социализм как система ведет к кризису; ныне же следует поддерживать «наинovouшую латиноамериканскую идеологию — экономику свободного рынка».

** В капиталистических и (бывших) социалистических странах. — Ред.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

На латиноамериканских левых, по-видимому, особенно повлияли политика испанских социалистов и события в Восточной Европе. Два года назад, когда я был в Аргентине, лидеры перонистской партии мне рассказывали, что Ф. Гонсалес во время поездки по континенту рекомендовал руководству местных левых партий решительно отказаться от их исторического выбора в пользу огосударствления экономики и политики перераспределения доходов. Он предупреждал, что государство губит все, к чему прикасается. Левоцентристские партии и лидеры повсюду, от Аргентины до Мексики, последовали его совету и занялись борьбой с гиперинфляцией и медленными темпами роста путем стимулирования свободных рыночных отношений и иностранных инвестиций, приватизации принадлежащей государству промышленности и резкого сокращения госсектора (4).

Типичен пример президента Аргентины перониста К. Менема. Он отверг «традиционный перонистский постулат о государстве как моторе национальной экономики». Сравнивая себя с Михаилом Горбачевым с точки зрения тех драматических обстоятельств, в которых ему пришлось начинать, Менем заявил, что «кризис аргентинской экономики... требует принятия радикальных рыночных мер». Открыто перейдя на позиции «современного капитализма», он приступил к распродаже государственных компаний, к проведению жесткой кредитной политики и упрочению налоговой системы. Ф. Льюис отмечает, что он «осуществляет приватизацию головокружительными темпами и надеется приватизировать все, за исключением основных правительственных служб» (5). Предельные ставки налога на высокие доходы были сокращены с 45 до 36 %, а ставки налога на доходы корпораций — с 33 до 20%. Условия для иностранных инвестиций и ограничения на импорт подверглись существенной либерализации. Один из ведущих аргентинских обществоведов констатирует, что Менема «считают новым Фелипе Гонсалесом, который... управляет экономикой таким образом, чтобы она была приемлемой для капиталистов» (6).

В других странах континента события развивались сходным образом. В Бразилии на президентских выборах 1989 г. левые партии выступали под лозунгом приватизации. Во время дискуссии, состоявшейся между экономическими советниками кандидатов-соперников, всех поразили взгляды представителями двух крайних левых партий. Как заявили экономист Ч. Майя, депутат популистской Партии бразильского демократического движения (ПБДД), и советник кандидата в президенты Л. Бризола, левые вынуждены были осознать, что «современное общество может существовать лишь при условии минимального вмешательства государства». Примерно так же высказался В. Пальмери, депутат Партии трудящихся (ПТ). Кандидат от этой партии Л. Игнасио да Силва потерпел поражение как представитель левых сил. «Экономист» отметил, что эта партия перестала отстаивать необходимость общественной собственности на средства производства; к тому же она весьма вяло выступает за сохранение убыточных предприятий, где профсоюзы пользуются наибольшим влиянием. В соседней Венесуэле правящая социал-демократическая партия «Демократическое действие» (ДД), давно примкнувшая к Социнтерну, в 1990 г. объявила, что «большинство из 400 с лишним государственных компаний должны быть немедленно проданы частным инвесторам. Большая часть из 35-млрд. долга страны может быть погашена за счет этих продаж». Т. Пелкоф, лидер левого крыла партии «Движение к социализму», также выступает за приватизацию «массы госкомпаний» либо за то, чтобы они объединялись с частными в совместные предприятия.

Быть может, еще большее значение имеет позиция левых сил в Чили. Ведущие их представители считают, что христианско-демократическая партия левого направления, в корне меняя политическую систему после ухода Пиночета, должна в основном продолжать экономическую политику своего предшественника, поскольку «именно свободный рынок обеспечил экономический рост». Социал-демократы одобрили также другую меру Пиночета — отмену государственного контроля над Центральным банком страны. Министры нового правительства всячески старались привлечь иностранных инвесторов, уговаривая профсоюзы умерить свои требования и приветствуя частные капиталовложения в остальные компании, принадлежащие государству. Министр

финансов и лидер левых христианских демократов А. Фоксли заявил: «Мы сохраним основные черты открытой экономики: низкие единые тарифы, политику свободного валютного обмена, благоприятные условия для иностранных инвестиций». К концу 1990 г. он ожидал возвращения рыночного добровольного кредита. Х. Аррате, генеральный секретарь Объединенной социалистической партии, отмечает «всеобщую тенденцию к переоценке содержания либеральной (т. е. антиэтатистской) демократии». Министр образования Р. Лагос считает, что партия «должна быть поскромнее в своих традиционных взглядах и быть готовой их изменить в соответствии с переменами в мире». В пример он приводит события в Восточной Европе: «Обратите внимание, какие сдвиги произошли в социалистической идеологии Леха Валенсы: профсоюзный лидер подвергает сомнению само существование мира социализма». Обозреватель Т. Уикер пишет: «Большинство чилийских социал-демократов — например, г-н Лаго — уже не настаивает на централизованных действиях правительства, наоборот, оно — за открытую экономику, за частное предпринимательство и демократию» (7).

В Мехико президент К. Салинас из популистской ИРП (Институционно-революционной партии) обрушился на патерналистскую политику правительства — традицию, восходящую еще к революции 1910 г., — которую его партия поддерживала в течение многих десятилетий. В октябре 1989 г. он сказал: «Вследствие этой политики государство становится все менее способным удовлетворять социальные требования своих граждан. Оно озабочено скорее тем, как ему лучше распорядиться своей собственностью». Он предоставил свободу «всем национализированным предприятиям: банкам, авиакомпаниям, сталелитейным, угледобывающим, телефонным компаниям; либерализовал импорт, т. е., сняв протекционистские ограничения, получил возможность оказывать давление на местных предпринимателей и заставил их добиваться большей конкурентоспособности. Салинас радикально пересмотрел налоговую политику и сократил дефицит. Были значительно понижены ставки на доходы корпораций и личные доходы, а также налоги на импорт. 1 мая 1990 г. президент заявил рабочим и профсоюзам, что их задача — «повышать производительность, добиваться снижения себестоимости и поощрять завоевывать иностранные рынки». И уже министров из его правительства приглашают новые руководители стран Восточной Европы в качестве инструкторов по демонтажу экономики, находящейся в руках государства. Неудивительно, что политику Салинаса, как и Гонсалеса, везде считают тэтчеристской. Мексиканский политолог Л. Мейер считает, что те, кто стоит слева от ИРП, учитывая дискредитацию социализма повсюду в мире, «пытаются изменить свой имидж на манер Гонсалеса: тип социалиста, выступающего против засилья корпораций, но в пользу открытых рыночных отношений» (8).

Подобному же курсу следуют умеренно левые или популистские партии таких непохожих стран, как Боливия, Коста-Рика, Перу и Уругвай. Уругвайские социалисты (СПУ), третья по значению партия слева от популистов (Национальная партия), была почти единственной крупной радикальной партией, продолжавшей отстаивать принцип перераспределения доходов средствами государственной политики. Наконец, на ее съезде в ноябре 1990 г. был поставлен вопрос, не следует ли «отказаться от Маркса, Энгельса и Ленина». В предвидении возможного изменения партийной доктрины ее лидер Т. Васкес подчеркивает, что «социализм шире, чем марксизм, что он не должен быть ни догматичным, ни закрытым для дискуссий».

Нечто похожее происходило в наиболее характерных странах Карибского бассейна — Ямайке и Доминиканской республике. Премьер-министр Ямайки социалист М. Мэнли, большой поклонник Фиделя Кастро в 70-е годы, будучи вновь избранным на свой пост в 1989 г., «выступил за свободный рынок приватизацию, глобальную экономическую интеграцию и конкуренцию». Мэнли заменил многие свои прежние социальные «программные установки и обещания призывом повысить производительность труда» и провозгласил «финансовый консерватизм». Бывший президент Ямайки Х. Бош в течение нескольких лет не прибегал к помощи США, но в 1990 г. вся его предвыборная кампания прошла под фанфарные восхваления капитализма. Г. Френч пишет, что в Карибских странах «идеологическая пропасть» между левыми и их консервативными противниками теперь едва ли можно разглядеть (9).

Встреча левых партий и организаций стран Латинской Америки и Карибского бассейна в июле 1990 г. показала, что крайне левые силы, включая троцкистов, коммунистов, различные фронты освобождения, отошли вправо. Большинство ее участников «выказали себя сторонниками вполне оперившегося политического плюрализма; лишь немногие

остались привержены государственному вмешательству в экономику, большинство же предпочитало ее децентрализацию» (10).

АФРИКА И АЗИЯ

В Африке наблюдается сходная картина. В Замбии один из старейших глав государства социалистической ориентации К. Куанда теперь признает, что его находящееся у власти четверть века правительство совершило «гигантскую ошибку», пытаясь построить современное социальное государство, удержать под контролем цены, внешнюю торговлю и капиталовложения — и все это в бедной стране: «Мы субсидировали потребление вместо того, чтобы субсидировать производство». В соседней Зимбабве Р. Мугабе, долгое время исповедовавший марксизм и социализм, «обещал ввести свободу торговли как один из пунктов поэтапной программы по ограничению контроля государства над экономикой». Правительство Ганы, где в прошлом насчитывалось 235 госпредприятий, теперь пытается избавиться от них в соответствии с программой структурной корректировки. Того, которая придерживалась раньше социалистической ориентации, также гордится «программами структурной корректировки». Президент Г. Эйадема резко сократил бюджет и ликвидировал или приватизировал большое число фирм. Государственная сталелитейная компания стала приносить прибыли с тех пор, как попала в руки американского предпринимателя. В Бенине президент М. Кереку занят сейчас высвобождением национальной экономики из-под бремени государственного контроля и заявляет о своем отказе от марксизма-ленинизма. Габон, после того как его руководитель О. Бонго утратил реальную власть, пошел по тому же пути. Ю. Ньерере, который до 1990 г. возглавлял Революционную партию — правящую в обнищавшей Танзании, — заявляет, что его стране не мешало бы усвоить «один-два урока» из опыта Восточной Европы: правительство его преемника А. Х. Мвиньи демонстрирует приверженность принципам рыночной экономики.

Если сравнить события в странах в районе Сахары и в Восточной Европе, то не приходится удивляться, что к концу 1990 г. программа социалистической ориентации, принятая Африканским национальным конгрессом (АНК), была решительно пересмотрена. Как и все остальные соцпартии, АНК «заглушил свои постоянные призывы к национализации промышленности и перераспределению доходов. Вместо этого он делает упор на экономический рост, который обеспечил бы черному большинству ЮАР более справедливую долю национального дохода». Советские экономисты в частных беседах с Манделой и другими африканскими лидерами рекомендовали следовать этому курсу, опираться на рыночную экономику.

К северу от Сахары, в Египте, в самом начале 50-х годов при Г. Насере государство владело большой долей собственности, экономика находилась под контролем правительства; в 70-е годы при А. Садате страна двинулась в сторону рыночной экономики, а в 80-е ускорила это движение при Х. Мубараке. Алжир, долгое время бывший однопартийной социалистической страной, теперь идет по пути к более свободной экономике и политическому плюрализму. Социал-демократическая партия Индии — ИНК — отказалась от государственного регулирования экономики незадолго до выборов 1989 г., где она потерпела поражение. Она поддержала своего преемника — коалиционное правительство, в которое вошли и социалисты, — в проведении политики активного поощрения иностранного капитала. Иностранным компаниям было разрешено владеть 51 % приоритетных отраслей промышленности. Были также резко сокращены тарифы на сырье.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ ТРЕТЬЕГО МИРА

Албания, Куба и Северная Корея — каждая порознь — двигались в аналогичном направлении. Атмосфера морального кризиса и разочарования распространилась повсюду, включая армию Вьетнама; лишь слабые отголоски коммунистических идей звучали «на передовых позициях антивоенных действий, где выступали, порой подвергаясь риску, некоторые известные американцы» (11). Начиная с 1986 г. конституция Вьетнама совершенствовалась в пунктах, касающихся прав на частную собственность; процветающий частный сектор был значительно увеличен за счет госсектора. Правительство обратилось к ведущим американским юристам, а те способствовали привлечению американского капитала на наиболее выгодных условиях по сравнению с другими странами Азии. Экономический советник из США, говоря о политике, направленной на развитие рыночной экономики, с гордостью заявил: «Восточная Европа

пытается делать то, чего мы уже добились» (12). «Doi moi» — это вьетнамский эквивалент перестройки. Данная формула означает наиболее радикальные в коммунистическом мире шаги в сторону истинной рыночной экономики, включая промышленность и сельское хозяйство. «Уолл-стрит джорнэл» отмечает, что экономическая ситуация в Хошимине (Сайгоне) стала точно такой же, какой она была, когда туда пришли коммунисты. По мнению ведущего экономиста Ле Дан Дона, Вьетнам «страдает не от капитализма, а от недостатка капитализма». Министр иностранных дел Вьетнама Нгуен Ко Тач сказал по поводу государственного контроля над продажей земли: «Американцы не смогли разрушить Ханой; мы же его погубили, устанавливая низкие цены на землю. Мы осознали глупость этой меры и должны изменить нашу политику».

Провьетнамское коммунистическое правительство Камбоджи сейчас поощряет частное предпринимательство и открытый рынок вместо неэффективных государственных отраслей. Коммунистическая идеология уступила место системе рыночной экономики. Как отмечает «Экономист», даже кровавые красные кхмеры ныне «читают газеты», и во время мирных переговоров между различными национальными группировками К. Сампан заявляет (или хочет убедить?), что красные кхмеры теперь уверовали в «либеральную экономику». Лаос «явно возвращается к капиталистической экономике. Его фермеры вновь обрабатывают собственную землю, и торговля в этой сельскохозяйственной стране практически снова стала частной».

Еще до своего поражения на выборах сандинистский режим в Никарагуа перед лицом экономического спада, а также по совету СССР, принял программу, «ориентированную на рыночную экономику», которую сам Кастро окрестил как «самую правую во всей Латинской Америке», что, впрочем, было преувеличением. Сандинистское правительство официально одобрило программу жесткой экономии; она учитывает нынешние экономические условия и столь традиционно рыночная, что ее можно уподобить программам Международного валютного фонда. В ней предусматриваются такие меры, как резкое сокращение государственных расходов или поощрение частного предпринимательства».

Лидеры афганской Народно-демократической партии, включая президента Наджибуллу, отреклись от марксизма. Видный деятель партии Ф. Маждак объясняет бывшую ошибочную политику партии влиянием «марксизма-ленинизма, получившего в то время распространение в слаборазвитых странах». Руководители Южного Йемена еще до объединения с прозападным Северным Йеменом уничтожили памятники Марксу и Ленину и убрали партийные лозунги с фасадов зданий. Непопулярный коммунистический режим Эфиопии тоже радикально меняет свою экономическую политику и идеологические установки. В марте 1990 г. тогдашний президент Хайле Мариам заявил, что его правительство «прощается с марксизмом-ленинизмом». Страна движется к системе свободного рынка, в которой не будет никаких преград для капиталовложений в частный сектор: предусматривается широкомасштабная приватизация в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве. В Мозамбике бывший просоветский Фронт освобождения ФРЕЛИМО объявил о принятии новой программы, направленной на развитие свободного рынка, отказ от марксизма-ленинизма; в ней провозглашалась свобода вероисповедания и свободные выборы.

ПЕРЕСМОТР КОНЦЕПЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ

Левые силы Соединенных Штатов стоят в стороне от всеобщего движения вправо: этот факт выглядит тем более парадоксально, что издавна существует вопрос: почему США оказались единственной индустриальной страной, в которой не было жизнеспособной социалистической и рабочей партии? Чем объяснить «исключительность» США? (13). Во всем промышленно развитом мире, как мы видели, социалистические, рабочие и социал-демократические партии (как и многие коммунистические, а также левые партии третьего мира) отказались от марксизма, перестали считать себя движениями рабочего класса и все больше занимают популистскую реформистскую позицию, близкую к традиционной американской модели.

Однако сама создательница этой модели — Демократическая партия — двигалась в обратном направлении. Партия не является социалистической, а США в период правления республиканцев по сравнению с другими развитыми странами гораздо менее привержены теории социального государства в экономике или в общественной жизни; и все же американским демократам в отличие от социал-демократических партий гораздо ближе

антипредпринимательская ориентация, идеи перераспределения доходов, прогрессивного налогообложения. В концепции этой партии — одной из двух, представленных в конгрессе, — укоренились принципы протекционистской политики, столь привлекательные для профсоюзов. Постоянный партийный курс, делающий упор на качество жизни, «свободу от запретов», административное обеспечение прав национальных меньшинств и женщин, возврат к принципам разрядки во внешней политике, оттолкнул многих традиционных сторонников демократов, особенно из числа менее образованных и более религиозных граждан. В то же время большинство нынешних конгрессменов-демократов отстаивает более высокие налоговые ставки и принцип прогрессивности налогов.

Неолиберальная экономическая доктрина, доверяющая решение всех проблем рынку, получила публичную поддержку политиков-демократов, в том числе в конгрессе. Однако в годы, когда в конце администрации Картера и начале президентства Рейгана принимались меры по сокращению государственного вмешательства в экономику и по снижению налоговых ставок, стало ясно, что партия пошла влево. В отличие от большинства европейских социал-демократов демократы США продолжают настаивать на перераспределении доходов. Если в программе британских лейбористов 1990 г. поддерживается право квартиросъемщиков на выкуп муниципальных жилищ, то сенатор Барбара Микульски, председатель подкомитета по жилищным делам конгресса США, и выступающее заодно с ней демократическое большинство воспротивились предложению министра Дж. Кэмпбелла «передать общественную собственность на жилье в руки частных владельцев (квартиросъемщиков)». Тенденция была документально подтверждена статистикой, приведенной Ассоциацией «Американцы за демократические действия» (АДД). Ее данные, отражающие идеологические пристрастия конгрессменов, свидетельствуют о том же вопросам рядовых членов демократической партии обнаруживает большое расхождение. Средний демократ, как и средний избиратель партии, политически стоят значительно ближе к центру, чем делегаты съездов и члены национального руководства.

Голосование демократов за либеральные решения в конгрессе (%)		
Годы	Палата представителей	Сенат
1971 – 1974	53,5	59
1975 – 1978	54,5	56
1979 – 1982	59,0	59
1983 – 1986	69,0	70
1987 – 1989	75,0	73

Данные таблицы подготовлены Progressive Policy Institute (H. Weinstein).

Левая ориентация Демократической партии выражается ныне не столько в усилиях придать более перераспределительный характер налоговой системе том, что начиная с 70-х годов демократы все чаще голосуют за решения либерального характера*. Последние годы 80-х были в этом смысле самыми либеральными с 1963 г. — времени, когда АДД занялась статистикой, причем наибольший вклад в формирование указанной тенденции внесли южные штаты.

Описывая сдвиги в идеологии демократов, я имел в виду до сих пор значительную, возможно подавляющую, часть национального руководства партии, а также большинство делегатов общенациональных съездов, видных представителей околопартийной интеллигенции, но не ее рядовых избирателей. Если судить по опросам общественного мнения, эти последние придерживаются консервативных или куда более традиционалистских воззрений, чем лидеру партии. Сравнение ответов делегатов съездов 1980—1988 гг. с мнением по и не в пропаганде ее платформ 1988 г. по национальному планированию «целенаправленного экономического развития», сколько в приверженности демократов к так называемым вспомогательным акциям («affirmative actions») по обеспечению прав национальных меньшинств и женщин, в том числе в форме особых преференций либо резервируемых квот, способствующих перераспределению экономических возможностей и возможностей получения образования, с тем чтобы гарантировать всем равные стартовые условия. Дебаты вокруг этих проблем, завершившиеся в 1990 г. принятием нового Закона о гражданских правах,

продемонстрировали растущее расхождение между демократами и республиканцами. Если первые стремились к воплощению «социалистического» принципа равенства результатов, то вторые отдавали предпочтение традиционно американским критериям признания заслуг и равным возможностям в гонке конкурентов.

Если не принимать во внимание первую президентскую кампанию Картера, то образ всех демократических кандидатов в президенты — от Дж. Макговерна в 1972 г. до М. Дукакиса в 1988 г. — связывался в общественном мнении с сильным государственным вмешательством в экономику и обеспечением социальной защиты, миролюбивой внешней политикой и сдерживанием гонки вооружений, а также с курсом на отказ от запретов в таких вопросах, как наркотики, преступность, ценности семьи и сексуальное поведение. При этом многие традиционные сторонники демократов из числа «синих воротничков» и этнических меньшинств, даже сохраняя в какой-то мере симпатии к программам типа рузвельтовского Нового курса, отрицательно относятся к социальной и внешней политике, ассоциирующейся с позициями левого крыла партии.

Однако отрицание подобной политики вовсе не означает их оппозиционного отношения к самой Демократической партии. Американские избиратели продолжают ставить житейские интересы выше идеологий, и потому большинство из них оказывает поддержку программам, направленным на защиту таких же граждан, как они сами, путем увеличения ассигнований на здравоохранение, на содержание детей в учебных заведениях, помощь престарелым и гарантии предоставления рабочих мест. Для обеспечения этих целей они и голосуют за демократов.

* Следует иметь в виду, что С Липсет пользуется американским пониманием термина «либерализм», «либеральный», которым в США обозначают группы и деятелей, занимающих место на левом фланге политического спектра (в противоположность консерваторам-республиканцам); в европейском же смысле либералы и есть консерваторы как поборники свободы экономики от государственного вмешательства и противники левых — социалистов и коммунистов. — Ред.

Все противоречия получают свое законченное выражение в конгрессе США. Конгрессмены и сенаторы оказывают услуги своим избирателям, выступают их ходатаями. Они склонны скорее сужать, чем расширять свое видение проблем. И демократы, со своими связями с массовыми группами населения и организациями, с широкой народной базой, находят, с точки зрения выполнения подобных функций, в лучшем положении. «В Штатах всякая политика локальна», — любил говорить бывший спикер палаты представителей Т. О'Нил, поэтому кандидаты демократов столь успешно выступают в роли защитников тех интересов, которые преобладают в их избирательных округах.

ПОЧЕМУ АМЕРИКА ЯВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧЕНИЕМ!

Для того, дабы понять, почему столь велики различия в новейшей истории левых, в их идеологических постулатах, программных и политических установках в США и в большинстве других индустриальных демократических государств, необходимо выявить изначальный источник политической исключительности Америки — отсутствие мощного социалистического движения. Очевидные факты, как и доводы, предложенные многими исследователями, приводят к выводу, что появление массового слоя политиков классовой социалистической ориентации, подобного сложившемуся в Европе, представляет собой не столько следствие развития капиталистических общественных отношений, сколько результат доиндустриального феодального общества, структура которого определялась социальной иерархией в соответствии с четко установленными, зачастую наследственными классовыми различиями. Соответственно нарождавшийся рабочий класс вступал в политическую борьбу с классовых позиций. В Америке, напротив, сложившееся здесь чисто буржуазное общество изначально относилось к понятию класса как к исключительно экономической категории. Очертания общественных классов здесь выглядели куда более размытыми, чем в Европе (14, р. 221—225). Вследствие этого политики, выступавшие с позиций классовых интересов, никогда не пользовались большим влиянием. У. Бернхэм удачно облек этот факт в универсальную формулу: «Ни феодализма, ни социализма: такими четырьмя словами можно определить базовую социокультурную матрицу, определившую американскую электоральную политику в индустриальную эпоху» (15).

Следует, конечно, признать правоту Маркса, утверждавшего, что положение людей в производстве в главной мере представляет собой решающий фактор их политических воззрений и классовой организации индустриального общества. Во всех демократических странах, включая США, наблюдается корреляция между социоэкономическим статусом,

политическими взглядами и электоральным поведением (16). Менее привилегированные слои поддерживали те партии, которые выступали за большее равенство, защиту от тягот экономики свободного предпринимательства средствами вмешательства государства в хозяйственные дела.

Как уже говорилось, на протяжении последних десятилетий эти обстоятельства изменились. Рост населения с высоким образовательным уровнем, занятого соответственно в научно-технических производствах и секторах услуг, требующих высокой квалификации, создал довольно внушительный слой относительно зажиточных граждан, заинтересованных во внеэкономических реформах. Их глашатаями выступают, например, экологи, феминистское движение, защитники прав сексуальных меньшинств, сторонники мира, ослабления моральных запретов, в особенности в вопросах семьи и секса. Такие перемены обусловили появление новых источников политических противоречий и дали толчок массе новых «монотематических» движений. Люди с университетским или более высоким образованием придерживаются более либеральных взглядов, больше вовлечены в новые общественные движения и на выборах чаще всего голосуют за демократов. Поскольку в США относительно самый высокий процент населения обладает средним специальным и высшим образованием, то именно здесь, в Америке, имеется более широкая, чем где бы то ни было, база для новых левых (или неолиберальных) политических течений. Факты, по-видимому, подтверждают это наблюдение. Как отмечал еще в 1971 г. французский политолог Ж. -Ф. Ревель, «одно из наиболее примечательных явлений минувшего десятилетия заключается в том, что новые мировые революционные движения берут начало в Соединенных Штатах... Я имею в виду весь тот комплекс оппозиционных проявлений, которые обозначаются термином "диссидентство"» (17, р. 6).

Критически настроенная интеллигенция, вышедшая из среднего класса, заявила о себе в 50-е годы образованием «реформаторского» движения в демократической партии — так было положено начало тому, что в дальнейшем получит название «новой политики». 60-е годы стали десятилетием пышного расцвета «новой политики» в виде движения против войны во Вьетнаме, борьбы за гражданские права, за освобождение женщин и сексуальных меньшинств, сохранение окружающей среды, а также общего движения за утверждение новых стилей жизни.

Как подчеркивает Ревель, новый американский стиль активизма, «монотематические» движения и радикальная политическая культура — все это в 60-е годы постепенно перекинулось на другие страны развитого мира, которые также вступали тогда в постиндустриальную эпоху. Протест, зародившийся в кампусах американских университетов, охватил все европейские страны. Мощные левые тенденции, питаемые настроениями социальных групп из среднего класса, бросили вызов умеренному руководству социалистических партий, опирающемуся в значительной мере на профсоюзы. Однако же подобный ход событий представлял собой лишь «подражание американскому прототипу», его распространение, либо его модификацию. Европейские диссиденты — единственная сила, способная пробудить как левых, так и правых, как Восток, так и Запад от глубокого догматического сна, — были последователями американских общественных движений (17, р. 6—7).

Такого рода развитие стимулировалось и усиливалось битвами за гражданские права, которые со времени принятия постановления Верховного суда о десегрегации школ в 1954 г. положили начало целой серии организованных усилий, направленных на расширение экономических, политических и образовательных прав негров и других этнических групп, а также прав женщин и иных социальных меньшинств. Все это способствовало радикализации высокообразованных групп населения и мобилизации негров на поддержку более либеральных или левых течений в Демократической партии, между тем как ранее те же факторы побуждали менее обеспеченных и социально консервативных белых граждан, поддерживавших демократов, голосовать за республиканцев. Негры, составляющие, по достоверным фактам, свыше 80 % сторонников демократов, являются опорой Дж. Джексона и его коалиции «Радуга» — организации, энергично отстаивающей принципы перераспределения доходов и масштабного вмешательства в экономику, не говоря уже о собственно расовых проблемах. Многие конгрессмены-негры открыто признают себя социалистами. Неспособность разрешить проблему расового равенства превратила Америку в третьем столетии ее существования в качестве независимого государства в общество, гораздо более глубоко расколотое по вопросу обеспечения прав малообеспеченных слоев, чем большинство других индустриальных стран.

Таким образом, если изначальная исключительность Америки связана с различиями между чисто буржуазным, т. е. классически либеральным (антиэтатистским), характером американского общества и куда более консервативной, этатистской и отчетливо классово-системой постфеодальной Европы, то ее «вторичная» исключительность обусловлена ведущей ролью Америки в мировом экономическом развитии, ростом образовательного уровня населения в целом, а также с впервые возникшей перед государством необходимостью дать ответ на поддержанную интеллигенцией массовую потребность в «равенстве результатов» коренного населения и этнических меньшинств, мужчин и женщин.

ПОЧЕМУ ДЕМОКРАТЫ НЕ ПОХОЖИ НА ДРУГИЕ ЛЕВЫЕ ПАРТИИ!

Для понимания того, почему демократы США не последовали по пути таких левых партий, как лейбористы в Британии или социал-демократы в Германии, которые уступили обстоятельствам, толкавшим их вправо, требуется тщательный анализ институциональных и теоретических факторов.

Речь идет, на мой взгляд, о четырех элементах. Во-первых, это относительно большее значение общественных движений в Америке по сравнению с другими устойчиво демократическими обществами, что вытекает из несходства их электоральных и партийно-политических систем. Во-вторых, различие между способом разделения властей в Америке и отсутствием партий с сильной структурой и дисциплиной (по сравнению с куда более централизованной системой выработки партийной политики и законодательной дисциплиной в странах традиционного парламентаризма). В-третьих, разница между экономическими воззрениями левых в странах с укорененными партиями и профсоюзами, их социалистической и корпоративной традицией и, с другой стороны, экономическими взглядами американских либералов и профсоюзников, которые никогда не требовали изменения национальной экономической политики или трехсторонних соглашений (бизнес — профсоюзы — правительство). В-четвертых, интеллигенция и ученые по-разному реагируют на кризис марксистской, социалистической и/или коммунистической идеологии в странах с мощным социалистическим или коммунистическим движением и в США, где левая интеллигенция никогда не образовывала такого движения, тем более пользующегося электоральной поддержкой. »

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Особенность американского государственного устройства заключается в том, что общественные движения (в отличие от партий) относительно легко набирали силу и приобретали немалое влияние. Если мы сопоставим американскую политическую систему с развитыми европейскими странами по количеству и значению мощных общественных движений, то США окажутся впереди всех (14, р. 296—299). В Америке общественные движения играют ту же роль, что малые партии в иных демократиях. Они возникают потому, что создание стабильных третьих партий невозможно при такой избирательной системе, когда главу государства избирают на всеобщих выборах. Парламентская модель стимулирует возникновение малых партий, поскольку через них различные объединения по интересам и ценностям могут выдвигать своих представителей по отдельным избирательным округам. В Америке же внеэлекторальные движения, не будучи участниками политического процесса, могут вместе с тем влиять на политическую жизнь, причем заявлять свои программные требования в самых крайних формах. Они не подчиняются партийной дисциплине, что необходимо, когда речь идет о завоевании электората. Скорее они пытаются навязать свою волю лидерам двух основных партий страны. Учитывая организационную слабость национальных партий, эти движения с 60-х годов непрерывно воздействуют на обе партии, толкая республиканцев вправо (законы о запрещении абортов, жесткая линия в борьбе с преступностью, сокращение вмешательства государства в экономику), а демократов, как уже отмечалось, — влево.

В парламентских странах руководство обычно остается у власти в своей партии, даже если она проиграла выборы. Независимо от того, участвуют ли они в правительстве, партийные лидеры могут анализировать последствия своих действий и вносить изменения в тактику, которая привела к неудаче. Большинство партий имеет собственные исследовательские службы, действующие на постоянной основе вне зависимости от итогов данной избирательной кампании. Они составляют рекомендации по корректировке партийной политики на основе анализа долговременных тенденций.

Между тем в США раздельное существование исполнительной и законодательной властей привело к тому, что партии здесь являются более рыхлыми, менее дисциплинированными и бюрократичными, чем в парламентских системах. К тому же некоторые изменения во внутрипартийных правилах, более широкое применение первичных выборов конца 60-х и в 70-е годы привели к тому, что обе национальные партии, особенно демократическая, выглядят сегодня слабее, чем когда-либо (18). С учетом изменения состава партийных лидеров после каждого поражения на выборах руководители партии не в состоянии не только контролировать, но и серьезно влиять на ход съезда и на выдвижение кандидатов: никто не может говорить от имени партии в целом, если у него нет ключей от Белого дома. От выборов к выборам меняются и консультанты, советники, исследователи. Кандидаты сперва добиваются выдвижения, а затем думают о деньгах, о поддержке активистов на первичных выборах; в случае же с демократами большинство таких активистов — люди левого толка. Партийные активисты, не рассчитывающие на получение теплых мест, не задаются вопросом о победе на выборах или об ошибках, помешавших победить на прошлых, — они поддерживают кандидата, который идеологически им ближе всего. Как пишет К. Мэтьюз, «чтобы одержать победу в фазе выдвижения и затем на первичных выборах, кандидату нужно опереться на наиболее увлеченных активистов-демократов из тех, кто составляет ударную силу президентской кампании. На политической шкале они размещаются обычно слева от центра до крайне левых. Люди, владеющие микрофоном на предвыборных собраниях демократов, и формируют атмосферу с самого начала первичных выборов в штатах. Им недосуг общаться с умеренными, а тем паче с консервативно настроенными избирателями» (19). Поэтому Демократическая партия, которую по сравнению с любой европейской социалистической партией трудно признать за организацию, не может извлечь уроков из прошлых выборов или внести изменения в свою тактику с учетом того, кто будет ее новым кандидатом на пост президента или члена конгресса. Ориентация американцев на антиэтатизм, индивидуализм и конкуренцию не создает стимулов для того, чтобы профсоюзы или любые другие выразители групповых интересов задумывались над тем, что представляет благо для всей страны, для ее национальной экономики или для ее партий. Можно ли просьбами либо силой побудить ту или иную группу пойти на жертву ради пользы всей нации в целом? Ключевым словом для них, если верить С. Гомперсу, всегда было «побольше!» Американские профсоюзы в отличие от более «солидаристских» социал-демократических или католических профсоюзов Европы ведут себя как предприниматели: они столь же привержены принципу конкуренции, сколь равнодушны к общественному благу. Профсоюзы, руководствующиеся подобными принципами, могут успешно действовать в условиях все растущей замкнутости экономики, где внешняя торговля играет сравнительно малую роль. Они становятся малоэффективными, когда страна широко вовлекается в международную конкуренцию.

Упорное нежелание профсоюзов выработать политику, которая, пусть даже ценой кратковременного сокращения доходов трудящихся, сможет значительно улучшить конкурентные позиции национальной экономики, — вот что в растущей степени становится причиной устойчивого падения влияния этих организаций. Доля юнионизированных занятых работников постоянно снижается и достигла 16 %-ной отметки. Уменьшается и их способность удерживать большинство на выборах представителей персонала на предприятиях. Еще более серьезным симптомом является неумелое проведение крупных забастовок, где вероятность их победы наиболее проблематична начиная с 20-х годов. В 1988 г. было зарегистрировано меньше стачек, чем за любой год с конца 40-х. Никогда еще профсоюзы так не нуждались в друзьях в вашингтонской администрации. Это обстоятельство может обернуться выигрышем для демократов.

Контраст в поведении американских профсоюзов и профсоюзов, связанных с социал-демократическими и лейбористскими партиями в других странах, отражает также несходство в организационной структуре партий, которым профсоюзы оказывают поддержку. Профсоюзы в Австралии, Великобритании и в большей части Европы весьма неохотно соглашаются с ограничением своей свободы действий или сокращением экономических запросов, продиктованных им дисциплинированной партией, пользующейся их доверием. В Америке же невозможно, чтобы партия принудила профсоюзы (или любую другую общественную группу) согласиться с политикой, явно ущемляющей их собственные интересы.

Тем самым удовлетворить потребности в действенной партийной структуре, которая позволяла бы лидерам проводить эффективную предвыборную тактику, становится еще более трудным делом. Организационная слабость усугубляет самое себя. Каждый очередной кандидат в президенты заинтересован в том, чтобы мобилизовать в

собственную поддержку все элементы партии и, следовательно, не может уделить должного внимания перспективе. Если ограничиться свежим примером, сторонники Дукакиса в ходе кампании 1988 г. согласились на такое изменение правил выбора делегатов, которое на съезде 1992 г. даст Джесси Джексону куда больший процент голосов делегатов — при условии, что его поддержит то же число избирателей, что и в 1988 г.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В Америке, как уже отмечалось, высокообразованные категории населения становятся костяком левого крыла Демократической партии. Выступления студентов и интеллигенции против войны во Вьетнаме и за гражданские права сыграли роль катализатора в формировании «новой политики». Однако в электоральном отношении интеллигенция, даже будучи численно растущим слоем, оказала наибольшее влияние на американское общество, особенно на его левый фланг, поскольку формирует его цели, способствуя тем самым «вторичной» исключительности политической жизни США.

Поддержка левых сил со стороны американской интеллигенции — явление не новое. Уже в прошлом столетии она выступала с антиправительственных позиций (20), была носителем «оппозиционной культуры» (по словам Л. Триллинга), противостоящей ценностям буржуазной и национал-патриотической культуры. Именно интеллигенция активнее всех содействовала относительно маловлиятельным левым течениям в прошлом, включая разного рода попытки радикальных элементов организовать партию. Хотя от этих партий почти не осталось следов, опросы среди научной интеллигенции 1989 г. показывают, что 57 % респондентов относят себя к либералам, в то время как соответствующая доля в электорате колеблется в пределах 11—20%. Среди лиц, занимающих высшие позиции в университетах, 67 % причисляют себя к либералам (21).

Одним из поразительных проявлений этой новой исключительности служит сравнительно доброжелательное отношение к марксизму среди американской интеллигентской элиты, считающей его по-прежнему «живым учением». Как отмечает Г. Абраме, «американские университеты, возможно, являются последним бастионом теоретического марксизма, по крайней мере в развитом мире» (22). Политолог-теоретик из Оксфорда Дж. Грей также утверждает, что «академические институты капиталистической Америки будут последними редуками марксистской теоретической мысли» (23, р. 183). Издатель «Харперс мэгэзин» Дж. Мардзорати подчеркивает, что радикалы из числа американских ученых отrekliсь от «либерализма с его понятиями о терпимости» в пользу «смеси неомарксизма и семиотики», в то время как молодые европейские интеллектуалы воскрешают либерализм, делая упор на прагматизм и индивидуальные права личности. По иронии судьбы, эти европейские «писатели и мыслители, по-видимому, не согласны ни на малейшие уступки дешевому антиамериканизму их духовных отцов и американских ученых-радикалов» (24). Нобелевский лауреат М. Ф. Перутц из Кембриджа отмечает в статье об идеях и позициях американской научной элиты, что марксизм, «возможно, дискредитирован в Восточной Европе, но, по-видимому, все еще процветает в Гарварде» (25). Аналогичным образом комментируя различия в подходе американских и советских исследователей к литературе, Р. Алтер считает, что «в наших научных кругах литература неукоснительно третируется как идеологический инструмент угнетения»; однако после поездки в Москву он «уехал с ощущением, что на земле есть еще люди, для которых литература имеет жизненно важное значение» (26). Известный социолог радикального направления Р. Флекс писал в 1988 г.: «Лет двадцать назад господствующую позицию занимала у нас социология правящих кругов, но теперь, благодаря нашей разрушительной деятельности, данная область, хорошо это или плохо, в значительной мере принадлежит нам» (27). Историк левого направления Дж. Винер отмечал в 1989 г., что «в эпоху Рейгана радикальная историческая наука занимала в американских университетах более сильные позиции, чем когда бы то ни было» (28).

Левая идеология имеет также широкое распространение в Голливуде и среди творческого персонала телевизионных компаний (29).

Попутчики левых идеологов наиболее многочисленны среди научной интеллигенции, высокообразованных университетских исследователей и лиц, занятых творческим умственным трудом. Как уже отмечалось, люди, получившие высшее образование, составляют ту часть избирательного корпуса, которая наиболее охотно отдает голоса левым. На первичных выборах именно эти группы в большей мере, чем любые другие,

отдают предпочтение кандидатам либерального толка, удерживая тем самым Демократическую партию на левых позициях. Теоретик СДПГ Р. Левенталь выделяет роль «интеллектуалов-доктринеров в той организационной реформе Демократической партии США, которая обусловила и выдвижение кандидатуры Макговерна, и его провал». Он подчеркивает «противоречие между плодами внутрипартийной демократии, послушной влиянию сильного корпуса идеологизированных активистов, и условиями успеха партий на демократических выборах» (30). И все же левые деятели «постиндустриального» толка, зачастую сами себя причисляющие к радикалам, победили на выборах в местные органы власти в городах с особо высокой концентрацией интеллигенции такого рода, например в Энн-Арборе, Амхерсте, Кембридже, Гайд-Парке (Чикаго), Итаке, Мэдисоне, Манхеттене, Остине, Беркли, Боулдере, Берлингтоне (Вермонт), Санта-Круссе, Сан-та-Монике.

Это явление стало особенно заметно в последние годы, когда интеллигенция и студенчество фактически сделали во многих странах основной опорой политических партий и движений «зеленой», экологической окраски (14, р. 194—205). Вместе с тем основная масса интеллигенции в Европе и Японии порвала со своими прежними марксистскими привязанностями. Британская научная и творческая интеллигенция стала поддерживать левоцентристские партии, шведская профессура — группы несоциалистического направления. Французские интеллектуалы в 70—80-е годы перешли на жестко антимарксистские и антисоветские позиции (31). Сдвиг вправо произошел и в японских академических кругах (32). Все эти перемены отчасти объясняются тем, что в прошлом подобные группы и слои испытывали на себе сильное влияние социалистических, лейбористских, а в Италии и Франции — коммунистических партий. Социалистическая утопия между тем потерпела крушение как в авторитарном, так и в своем демократическом варианте. Многие интеллектуалы, ранее вовлеченные в политику левых партий, стали покидать их. Шведский социолог Р. Эйрман, объясняя, почему шведская интеллигенция в отличие от американской никогда «не ощущала себя отчужденным слоем, традиционно сохраняющим свою независимость по отношению к государству», подчеркивает, что шведы, даже находясь на левом фланге, «воспринимали себя скорее как группу, находящуюся в центре, а не на обочине общества». Творческие люди в Швеции всегда могли найти свое место в широком рабочем и демократическом движении. «Отчужденная интеллигенция если и существует у нас, то лишь в сфере высокой культуры, в кружках избранных» (33).

Американская ситуация выглядит совершенно иначе. Если исключить экономистов и других специалистов, непосредственно связанных с политикой, то лишь редкие представители научной и творческой интеллигенции попадают в ряды активных политических деятелей. Левые политики, особенно после второй мировой войны, слишком мало значили на национальной политической арене, а профсоюзники и вовсе презирали интеллигентов. Радикальные теории лишь в малой степени отражались на конкретной политике. В результате, отмечает Грей, американская «научная интеллигенция для оправдания своей отстраненности от собственной культуры пользуется лозунгами и теоретическими выкладками европейской радикальной интеллигенции минувшего десятилетия, а то и минувшего поколения... Американский академический марксизм маргинален и лишен политического веса, он пытается компенсировать свою очевидную политическую несостоятельность попытками установить гегемонию в академических институтах» (23, р. 183—184). Левые идеологи, таким образом, являются академическими во всех смыслах слова. Как мы уже говорили, они сохраняют влияние в университетском мире, и значительные группы американской интеллигенции демонстрируют готовность оказать поддержку этим идеологам — во всяком случае, в Америке они более влиятельны, чем среди интеллигенции большинства европейских стран*. Именно благодаря своей многочисленности и своему положению в средствах информации и в университетском мире они пользуются немалым влиянием на формирование политических взглядов активистов демократической партии.

* Ярким примером может служить Дж Гэлбрайт, который на конференции по экономическим реформам в Восточной Европе в июле 1990 г обрушился на «примитивную идеологию» быстрого перехода к рыночной экономике. Он подверг завуалированным нападкам программы приватизации, разработанные правительствами некоторых восточноевропейских стран

Есть ли вероятность, что положение дел изменится и в Америке? Если нынешнее политическое развитие в Европе все больше напоминает исторически стожившуюся ситуацию в США, то означает ли это, что сами США, особенно пережив период обострения идейно-теоретических противоречий 60—70-х годов, вновь вернутся назад (или пойдут вперед), к новой полосе упадка идеологий? Подобные перемены не обошлись бы без сдвигов в умонастроениях интеллигенции. В 60-е — начале 70-х годов интеллигенция США

получала стимулы к радикализации от успехов коммунистов и других левых сил в третьем мире. Учитывая слабость радикализма в самих США и очевидность провала главных коммунистических систем в Советском Союзе и Китае, американские интеллектуалы находили эмоциональную компенсацию своему отчуждению от окружающего их общества в энтузиазме по отношению к революционным антиамериканским движениям в Азии, Африке и Латинской Америке. Между тем сейчас они оказались перед лицом не просто краха традиционных левых догм в Восточной и Западной Европе, но и отвержения социалистических или марксистско-ленинских устремлений в наименее развитых странах мира, где ширится движение за рыночную экономику и политический плюрализм.

В третьем мире не осталось социалистических образцов, способных вдохновить левую интеллигенцию; эту роль, в частности, перестали играть страны Индокитая и Никарагуа, марксистские движения в которых вызывали прежде сильный отклик в либеральных и левых кругах США. Ныне сами партии и правительства указанных стран открыто признали провал этатистских планов развития их экономики.

Хотя на протяжении последнего десятилетия немногие среди представителей левой интеллигенции США испытывали симпатию к Советскому Союзу, активное отторжение марксистского учения в СССР неминуемо должно было оказать на людей либеральной ориентации в США большее воздействие, чем на социалистов из других стран. Официальный представитель советского правительства Г. Герасимов охарактеризовал «идеологическую схватку» в своей стране и ее правящей партии как столкновение «между теми, кто слишком много читал Карла Маркса... и теми, кто придерживается более прагматических воззрений». В статье, опубликованной с явного одобрения тогдашнего министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе летом 1988 г. в «Международной жизни» и написанной высокопоставленным чиновником МИД СССР А. Козыревым в соавторстве с его вьетнамским коллегой (о нем уже упоминалось выше), говорилось, что большинство развивающихся стран страдают не столько от капитализма, сколько от его недостаточного развития (34). На совещании экономистов в ноябре 1989 г. директор Института экономики АН СССР и тогдашний заместитель председателя Совмина Л. Абалкин заявил, что частный рынок — это «самая демократическая форма регулирования экономической деятельности». Он отстаивал предпочтительность создания рынка ценных бумаг и проведения (фридмановской) монетаристской политики по сравнению с правительственными мерами сокращения спроса*.

* Этот тезис был позже повторен академиком Н. Петраковым, в то время экономическим советником Горбачева В интервью «Нью-Йорк таймс» в июне 1990 г. он «поддержал скорейшее принятие закона о денационализации принадлежащих государству предприятий путем их акционирования, создания фондовых бирж и продаж акций населению»

В 452-страничном подробнейшем аналитическом докладе, представленном в середине сентября 1990 г. по заказу Михаила Горбачева, открыто констатируется: «Человечество до сих пор не создало ничего более эффективного, чем рыночная экономика». Не менее важен тот факт, что в рядах самой КПСС растет число критиков, переключивших вину за сталинизм и экономический провал на Маркса и Ленина. Не может не поражать, что на конференции в Высшей партийной школе в Москве по вопросу о роли партии в перестройке имена отцов марксизма-ленинизма вовсе не упоминались, а в обоснование реформ ссылки делались на М. Вебера и Т. Парсонса (35). В тематическом плане одного из крупнейших советских издательств появились переводы трудов Дюркгейма, Парсонса и Вебера. Подтверждение того, что перемены в левом лагере затрагивают и интеллектуалов США, можно найти в журнале «Нью перспективз», который издается одним из ведущих активистов Демократической партии С. Шейнбомом, работавшим ранее в тесном контакте с социалистами в Европе и Америке. Во вступлении к материалам симпозиума «Торжество капитализма» журнал констатирует: «Великий идеологический спор нашего столетия завершен. В конце концов столько раз подвергавшийся проклятиям рынок вновь сделался лучшим другом человека с его земными нуждами». Редакция обращает внимание на тот факт, что глава советской идеологии заявил: «Ныне мы должны признать, что наши идеи о государственной собственности обнаружили свою несостоятельность и что социализм проиграл в соревновании за экономическое развитие» (36).

Не менее примечательна, пожалуй, публичная перемена точки зрения крупнейшего экономиста социалистического направления Р. Хейлбронера. Он определенно заявил, что «спор между капитализмом и социализмом закончился. Капитализм победил» (37). В другом издании он отмечает: «Впервые в этом столетии — и впервые в моей жизни — я вынужден заключить, что у социализма нет никакой убедительной экономической

платформы. Всего полвека назад главный вопрос заключался в том, как скоро капитализм будет преобразован в социализм... Ныне, в последние годы этого века, главный вопрос должен ставиться совершенно иначе» (38, р. 4). Успех капитализма имеет не политический, а экономический характер, и предпочтительность рынка доказана со всей очевидностью. Это верно даже по отношению к «периферии». Достаточно взглянуть на фантастические достижения таких азиатских стран, как Южная Корея, Сингапур, Тайвань и Таиланд. Хейлбронер указывает далее, что он не одинок среди американских социалистов и что «наиболее известный представитель социалистической мысли в США М. Харрингтон в своей последней книге (он умер в 1989 г.) «Социализм: прошлое и будущее» смог лишь «вычленив из всех традиционных определений социализма... важность непрерывной, движимой сознательной волей борьбы за социальную справедливость. Плохо это или хорошо, но вот что остается сегодня от социализма» (38, р. 7, 10; 39).

Поворот демократов США вправо возможен, но ему противодействует борьба за гражданские права. Неравенство, связанное с цветом кожи или другими присущими человеку от рождения отличиями, оскорбляет представления интеллигенции об универсальности правовых норм, а действия хорошо организованных групп давления стимулируют ее чуткость к таким вопросам. Сталкиваясь с ростом преступности, с вопиющим существованием масс бездомных и нищих, либерально настроенные люди из зажиточных и высокообразованных слоев выступают под знаком политики перераспределения доходов, ибо в ней нуждаются те меньшинства, интересы которых они защищают. Вместе они составляют наиболее крупную долю тех, кто голосует за демократов на первичных выборах. Однако многочисленные опросы общественного мнения показывают, что большинство американцев против выделения квот по программам «вспомогательных акций» и повышения налогов во имя увеличения фондов институтов социального государства (за исключением обеспечиваемых государством служб здравоохранения).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социалистические партии повсюду в мире настолько дружно изменили свой политический курс, что может возникнуть даже предположение, будто Социнтерн стремится сравняться с Коминтерном Ленина и Сталина в его способности добиваться единообразия поведения от партий-участниц. Разумеется, нет ничего дальше от истины, чем такое предположение. У Социнтерна нет никакой власти над входящими в него партиями, ведь он главным образом лишь организует обсуждение проблем. По словам Н. Киннока, «если утверждаются одни и те же взгляды, то потому, что они разделяются широким кругом сил: не только социалистическими, социал-демократическими партиями, но и реформистским крылом старых компартий». Итогом обсуждений является «общее понимание того, что требуется некая комбинация рынка и социально ответственного сообщества». Комментируя поведение социал-демократов Восточной Европы, «Экономист» отмечает, что они также начали задаваться вопросом, действительно ли существует «средний путь» между коммунизмом и капитализмом. Подобно их сотоварищам на Западе, они также принимают в качестве цели предпринимательскую экономику (40). Повсюду в мире социал-демократы пришли к убеждению, что им «необходимо скорректировать свои программы в соответствии с новым историческим опытом. Социал-демократы (вне зависимости от того, к чему обязывает их название партии) вовсе не стремятся к построению «социализма», но это не означает, что они обязательно «обречены на гибель». Они просто изменили свое мировоззрение» (41). В сущности, как заключает А. Пржеворский, социал-демократы ныне ведут борьбу за то, чтобы сделать капитализм более эффективным и человечным (42). По мнению Р. Дебре, если бы лидеры социалистов могли сказать «всю правду» об их сегодняшней роли, то они должны были бы признать, что она заключается в том, чтобы проводить политику правых, но более умным и рациональным способом (43). То, что определяет единообразие политических перемен, в действительности есть результат общего для всех опыта и одинаковых рекомендаций политических и экономических аналитиков, а также краха коммунистической системы в последние годы.

«Понимание», о котором говорит Киннок, основывается на признании фактов. Огосударствленные предприятия оказались менее эффективными, чем частные компании. Конкуренция проявила себя как значительно больший стимул экономического роста и модернизации, чем любая монополия (частная или государственная). Материальные стимулы, дифференцированная оплата труда, прибыль служат наиболее действенными побудительными мотивами для трудящихся и предпринимателей, заставляя их повышать привлекательность и надежность продукции. Определенно имеется некий порог, выше

которого налоги начинают действовать как контрстимул и против трудящихся, и против капитала. Перераспределительная налоговая политика, направленная на улучшение условий обездоленных слоев, — вне зависимости от того, насколько морально обоснованная она выглядит, — приводит к результатам, обратным ожидаемым, если ее плодами становится снижение объема инвестиций и уровня производительности труда. Эти реальности рыночной экономики ныне широко признаются многими коммунистами и социалистами, хотя таких, по-видимому, меньше среди демократов США.

Неудивительно, что новейшие сопоставительные исследования налоговой политики показывают, что реальные ставки налогов на доходы корпораций в социалистической Швеции куда ниже, чем в Америке при правлении республиканцев. Рейгановское правительство смогло видоизменить, но не преобразовать в корне политику предыдущих администраций. Как доказывает С. Стейнмо, «если рассматривать всю совокупность налогов, то в США практикуется, по существу, более жесткая «перераспределительная» система обложения индивидуальных доходов и прибыли корпораций, а также налогов на наследование и отчислений на здравоохранение, чем в Англии или Швеции... В Америке доходы от капитала облагаются значительно большим налогом, чем в любой другой из демократических стран» (44). В 1986 г. демократическое большинство в конгрессе проголосовало за обложение налогами доходов от акций наравне с обычными доходами, причем конгрессмены-демократы оспаривают довод Буша о том, что снижение налоговых ставок будет способствовать росту капиталовложений. Они продолжают настаивать на том, что подобная поправка нарушила бы принцип прогрессивности налогообложения (45). Многие социал-демократы других стран приняли бы в данном споре сторону Буша.

Важно еще раз напомнить, что США никогда не жили под властью социал-демократического правительства. Поэтому любые рассуждения об отклонении влево курса Демократической партии и об отклонении вправо социалистических движений в иных странах не должны пониматься в том смысле, что демократы в Америке берут на вооружение идеи этатизма в той же мере, в какой это делали прежде родственные им партии, стоящие влево от центра в других демократиях. Но, как бы то ни было, американские демократы (но отнюдь не общественность в целом), действуя в несравненно более антиэтатистском, протестантско-сектантском, морализаторско-индивидуалистическом обществе, чем в Европе и странах Британского содружества, — с их политическим раскладом на консервативных социал-демократов, церковь как часть истеблишмента, с их институционализированными групповыми интересами и ценностями — совершают поворот от традиционно господствовавших национальных ориентиров к целям, более характерным для европейских левых. В то же самое время европейская социал-демократия смещается в сторону позиций классических либералов, делающих меньший упор на государственное вмешательство и больший — на расширение индивидуальных прав, причем во многих отношениях в процессе этого смещения левые силы за пределами США, по-видимому, претерпевают процесс сближения. Значит, описанные перемены заключаются в том, что демократы США перемещаются влево, отдаляясь от того центра, где их могла бы ждать наибольшая электоральная отдача, а социал-демократы идут вправо, к центру национального политического спектра (46). В этом и заключается головоломка, которую я пытаюсь объяснить.

Некоторые из факторов, исторически обусловивших экономическое развитие США, а тем самым и успех идей социализма в нашей стране, — такие, как восхваление ценностей индивидуализма и «свободы рук» в экономике, отсутствие коллективизма, — ныне позволяют американским левым игнорировать нужды страны и следовать логике собственной идеологии: добиваться более высоких налогов, отстаивать экономические программы, направленные на перераспределение доходов в масштабах всего общества, выступать за свободную от запретов мораль и политику в области культуры. Кто-то, разумеется, скажет, что увлечение этими идеями, особенно на фоне экономической ситуации и состояния общественных служб, порождено ростом нищеты и неравенства доходов (что нашло очевидное выражение в увеличении числа бездомных в период правления Рейгана) (47). Вместе с тем, хотя сами по себе такие тенденции не вызывают сомнений, сопоставление данных по разным странам наводит на некоторые размышления. В отдельные периоды безработица во многих высокоразвитых странах, например в Австралии, Бельгии, Великобритании, Канаде, Франции, ФРГ, Италии и Испании, была намного выше, чем в США (48). По данным журнала «Форбс», неравномерность в распределении богатства также была выше в других странах, например, в Канаде, ФРГ, Японии и Швеции имеется больше семей мультимиллионеров (на каждого члена семьи приходится по два и более млн. долл.), чем в США. В своих списках богатейших семей мира журнал «Форчун» добавляет к числу стран, превосходящих США в этом отношении,

также Англию, Голландию, Швейцарию и Тайвань. Европа, Канада и Япония отличаются также большей концентрацией экономического могущества в руках отдельных корпораций. В Швеции после почти полувекового правления социал-демократов распределение богатства «является по-прежнему крайне неравномерным: проведенное в 1981 г. обследование показало, что 89 % семей совсем не имеют акций, между тем как менее чем 0, 3 % семей обладают половиной всего акционерного капитала, находящегося в индивидуальной собственности» (49). В статье журнала «Бэррон» отмечается, что кучка крупных инвесторов в основном контролирует многие шведские компании. Совсем недавно социал-демократическое правительство Швеции приняло меры, поощряющие концентрацию финансовых ресурсов путем слияния всех частных банков в четыре крупных и объединение их с национальными страховыми компаниями с целью еще более крупного сосредоточения финансового могущества. Мы привели данные обследований 1980—1981 гг., однако и самые последние имеющиеся сведения свидетельствуют о том, что в Швеции в распределении богатства между семьями существует значительно большее неравенство, чем в США (50).

Те, кто стремится к усилению организационной структуры американских левых и тем самым к повышению их политической эффективности, а именно: руководящий совет Демократической партии во главе с С. Нанном и Ч. Роббом, партийный комитет штата Калифорния под председательством бывшего губернатора Дж. Брауна и партийные лидеры «старой школы» во главе с Р. Штраусом, — вынуждены преодолевать противодействие крепких и укорененных групп поборников эгалитаризма. По словам К-Мэтью, новые борцы за укрепление партии страстно желают, чтобы Демократическая партия США была «чуть менее демократической, но намного более единой» (19). Робб призывает к «высвобождению партии из-под власти чар новой активистской элиты» и добивается возврата к признанию «приоритета общепартийных целей над индивидуальными интересами деятелей в отдельных округах» (51). Как замечает Штраус, «нам нужен кандидат, которого не стыдно показать людям. Авторитет и твердость — вот что нам нужно». Другой руководитель партии, Б. Беккел, возглавлявший избирательную кампанию Мондейла, заявляет: «Мы, партийные лидеры, должны начать управлять процессом и перестать пассивно подчиняться ему» (19). В сущности, они стремятся к организации, способной выполнять основные функции политических партий в других странах, такие, как выдвижение кандидатов, имеющих реальные шансы на избрание, и выработка программ, привлекающих максимально возможное число избирателей. Иными словами, они хотели бы превращения Демократической партии США в партию, подобную социал-демократии в других странах Запада: по иронии судьбы, путь к преодолению политической исключительности США проходит через сдвиг их партии вправо.

Однако представляющаяся ныне всеобщей тенденция к сдвигу в сторону поддержки капитализма и рынка может также оказаться краткосрочной.

Такие убежденные защитники системы, как И. Шумпетер и, еще недавно, Кристол, отмечали, что капитализм и рынок не могут притязать на разрешение главных проблем человечества в большей мере, чем на это претендовали в недавнем прошлом социализм и коммунизм. Капитализм, свободный рынок не имеют ничего общего с утопической идеологией, даже если ограничиться рамками экономических отношений (52). В лучшем случае они обещают — и выполняют обещание — лотерею, но, как во всякой игре, главный выигрыш достается относительно узкому меньшинству игроков; следовательно, должно быть много «проигравших», иные из которых оказываются восприимчивы к лозунгам реформистских или антисистемных движений. Между тем дележ выигрыша может быть очень неравным, а вследствие этого, как подчеркивал Токвиль полтора столетия назад, идея равенства толкает обездоленных на поддержку партий и политики, ставящих целью перераспределение доходов. Стержнем рыночной идеологии является апология личного интереса, корысти, алчности. От А. Смита до М. Фридмана в поддержку этой идеологии выдвигается тот довод, что беспрепятственная погоня за личной или предпринимательской наживой ведет к устойчивому росту экономики, от чего получают выгоду все, независимо от положения в обществе и размеров богатства. Но, как мы знаем, в степени успеха или неудачи имеются не только индивидуальные различия, но и существенная разница в эффективности экономики разных стран. К тому же цикличность развития — которая, по-видимому, имманентно присуща рыночной экономике — стимулирует не только рост, но и влечет за собой периоды спадов, когда наблюдается рост безработицы и/или высокие темпы инфляции.

Постоянно воспроизводящееся отвращение к капитализму, кроме всего прочего, органически коренится в том, что само функционирование рынка побуждает заботиться о

голой рациональности в ущерб идеалам. Следуя рассуждениям Кристола, «действительная драма (капитализма) — вовсе не в социологии или экономике. Она в том, что «дюжинная» природа буржуазного общества не в состоянии достойным образом удовлетворить духовную природу человека, которая ставит перед ним отнюдь не дюжинные вопросы об окружающем его мире и требует отнюдь не дюжинных ответов на них. Эта слабость буржуазного общества была ярко выявлена его же критиками-теоретиками в самом начале его существования» (52, р. 186— 187). Капитализм оказался не в состоянии породить действенные коллективные ценности. Такая несостоятельность поставила его в проигрышные отношения со многими религиозными сообществами. Римская католическая церковь демонстрирует сейчас самый яркий пример, выступая как провозвестник коллективистской, товарищеской, солидаристской, братской модели общественных отношений. Нынешний папа Иоанн Павел II, хотя он и сыграл важную роль в дискредитации идей коммунизма в своей родной Польше, является признанным противником капитализма, который он рассматривает как систему, основанную на эгоизме и его последствиях в виде неравенства и нищеты. В своем отрицательном отношении к свободе рынка он следует, в сущности, пятисотлетней католической традиции, в лоне которой сложилось понятие коммунитаризма, выражающего, хотим мы того или нет, ценности современного социального государства.

Капитализму, не обещающему устранить нищету, расизм, неравенство мужчин и женщин, войны, уничтожение природы, не с чем обратиться к молодежи, взыскующей высоких идеалов. Ведь как писал 2500 лет назад Аристотель, молодежь (и, как мы могли бы добавить, интеллигенция) стремится к глобальным решениям, а раз так, то с неизбежностью появятся новые движения и новые идеологии, а также, возможно, и кое-какие из старых, с их реформистскими и утопическими обещаниями. Идеи коммунитаризма приведут к новому оправданию роли государства как выразителя общественных интересов, обещающего изменить к лучшему, сократить, если не вовсе устранить, неравенство, не столько даже экономическое, сколько социальное, половозрастное, расовое. К этому можно добавить еще экологические устремления. Не случайно идеи защиты окружающей среды выдвинулись на первое место в идеологии всех левых партий, как старых, т. е. социал-демократических, так и иных, например «зеленых» и неолиберальных. Классические же либералы — приверженцы свободы рынка — противостоят подобной политике именно потому, что она приводит к государственному вмешательству в рыночные отношения и конкуренцию.

Борьба между левыми силами, поборниками перемен, и правыми, выступающими за сохранение status quo, не закончена. В странах, где раньше господствовал коммунизм, понятия «левый» и «либеральный» употребляются теперь в ином контексте: когда речь идет о рыночной экономике и демократии, об ограничении государственного бюрократического аппарата. Слова «правый» и «консервативный» относятся к группам, отстаивающим контроль государства над экономикой. По иронии судьбы, именно такой смысл придавали этим понятиям в XIX в. На Западе с подъемом социалистических движений левые стали делать упор на коммунитаризм и равенство, на государство как инструмент реформ. Правые же, всегда связанные с истеблишментом, с господствующими режимами, находившиеся обычно, и в особенности после второй мировой войны, в положении обороняющихся, всегда идентифицировались как оппозиция государственному вмешательству. Даже если сейчас «социализм» — ругательное слово, спор двух направлений не завершен. Главное противоречие политической истории продолжает жить.

1. Fuller S. Developing Nations Increase Reliance on Private Sector. — «Financial Times», 11. IX. 1990, p. 1.

2. Henry J. S. Growing Nowhere. — «The New Republic», 20, 27. VIII. 1990, p. 21.

3. Robinson L Latin America's Colossal Sale. — "San Francisco Chronicle", 20. VI. 1990, p. 2.

4. Miller A. Perestroika Goes South. — "Newsweek", 6. XI. 1989, p. 53.

5. Lewis F. Menem Confounds. — "The New York Times", 19. V. 1990, p. 23.

6. DiTella T. S. Menem's Argentina. — "Government and Opposition", Winter 1990, p. 85—97.

7. Wicker T. Conflict to Consensus. — "The New York Times", 20. VIIU990, p. A19.
8. "The Wall Street Journal", 1. VI. 1990, p. A10.
9. French H. W. Jamaican Leader to Meet Bush Today. — "The New York Times", 3V. 1990, p. A8.
10. Seibert S., Kepp M. The Left Tries to Get It Right. — "Newsweek", 16. VII. 1990, p. 39.
11. Wilson G. C. Vietnam Appears to Fear a Democracy Movement in Prospect. — "Washington Post", 19. VII. 1990, p. A28.
12. Wain B. Hanoi Embraces Once-Reviled Capitalism. — "The Wall Street Journal", I. V. 1990, p. A16.
13. Upset S. M. Why No Socialism in the United States? — "Sources of Contemporary Radicalisms", vol. 1, 1977, p. 31 — 149, 346—363.
14. Lipset S. M, Consensus and Conflict: Essays in Political Sociology. New Brunswick, 1985.
15. Burnham W. D. The United States: The Politics of Heterogeneity. — In: Electoral Behavior. N. Y., 1974, p. 718; см также Wells H. G. The Future in America. N. Y., 1906, p. 72—76; Hartz L. The Founding of New Societies. N. Y., 1964, p. 35; Lipset S. M. Continental Divide: The Values and Institutions of the United States and Canada. N. Y., 1990, p. 26—29, 149—150.
16. Upset S. M. Political Man: The Social Bases of Politics. Baltimore, 1981, p. 54—55.
17. Revel J. -F. Without Marx or Jesus. N. Y., 1971.
18. Polsby N. W. Consequences of Party Reform. N. Y., 1983.
19. Matthews C. Democrats Look for a Heavyweight. — "San Francisco Examiner", 12. 1. 1990, p. A25.
20. Hofstadter R. Anti-Intellectualism in American Life. N. Y., 1963, p. 29.
21. Mooney C. /. Professors are Upbeat About Profession but Uneasy About Students, Standards. — "The Chronicle of Higher Education", 8. XI. 1989, p. A20.
22. Abrams G. After the Wall: As New Era Emerges U. S. Political Thinkers Ponder Fate of Marxism. — "Los Angeles Times", 6 XII. 1989.
23. Gray J. Fashion, Fantasy or Fiasco? — "Times Literary Supplement", 24. 11—2. III. 1989.
24. Marzorati G. Europe is Reclaiming the Language of Liberalism. — "International Herald Tribune", 11. VIL1990.
25. Perutz M. F. High on Science. — "New York Review of Books", 16. VIII. 1991, p. 15.
26. Alter R. Tyrants and Butterflies. — "The New Republic", 15. X. 1990, p. 43.
27. Flacks R. The Sociology Liberation Movement: Some Legacies and Lessons. — "Critical Sociology", Summer 1988, p. 17.
28. Wiener /. Radical Historians and the Crisis in American History. — "Journal of American History", September 1989, p. 434.

29. Lichler S. B., Rothman S., Lichter L. S. *The Media Elite: America's New Power Brokers*. Washington, 1986, p. 28.
30. Lowenthal R., *The Future of the "Social Democratic Consensus"*. — "Dissent", Winter 1982, p. 101.
31. /udt T, *Marxism and the French Left*. N. Y., 1986.
32. Yamazaki M. *The Intellectual Community of the Showa Era*. — "Daedalus", Summer 1990, p. 260—262.
33. Eyerman R, *Intellectuals and the State: A Framework for Analysis, with Special Reference to the United States and Sweden* (Unpublished paper, University of Lund, 1990), p. 18.
34. Kozyrev A V. *Why Soviet Foreign Policy Went Sour*. — "The New York Times", 7. 1. 1989, p. 27.
35. Starr S. F. *Poored Party*. — "The New Republic", 4. XI. 1989, p. 20.
36. *The Triumph of Capitalism*. — "New Perspectives Quarterly", Fall 1989, p. 4.
37. Heilbroner R. *The Triumph of Capitalism*. — "The New Yorker", 23. 1. 1989, p. 98.
38. Heilbroner R. *No Alternative to Capitalism*. — "New Perspectives Quarterly", Fall 1989.
39. Harrington M. *Socialism: Past and Future*. N. Y., 1989, p. 248—278.
40. *Eastern Europe Moves Right. No Halfway House*. — "The Economist", 24. 111. 1990, p. 22.
41. Steinmo S. *Social Democracy vs. Socialism: Goal Adaptation in Social Democratic Sweden*. — "Politics and Society", December 1988, p. 438.
42. Przeworski A. *Capitalism and Social Democracy*. Cambridge, 1985i, p. 206.
43. Debray R, *What's Left of the Left*. — "New Perspectives Quarterly", Spring 1990, p. 27.
44. Steinmo S. *Political Institutions and Tax Policy in the United States, Sweden and Britain*. — "World Politics", July 1989, p 504, 509.
45. Aaron H. *The Impossible Dream Comes True: The New Tax Reform Act* — "The Brookings Review", Winter 1987, p. 6.
46. Shapiro R. and Young J. T. *Public Opinion Toward Social welfare Policies: The United States in Comparative Perspective*. — In: *Research in Micropolitics*, vol. 3. Greenwich, 1990, p. 143—186; *America: A Unique Outlook?* — "The American Enterprise", March/April 1990, p. 113—120.
47. Philips K. *The Politics of Rich and Poor: Wealth and the American Electorate in the Reagan Aftermath*. N. Y., 1990.
48. Webber D. *Social Democracy and the Re-emergence of Mass Unemployment in Western Eoople*. — In: *The Future of Social Democracy*. Oxford, 1986, p. 36—49.
49. Thomas A. H. *Social Democracy in Scandinavia: Can Dominance be Regained?* — In: *The Future of Social Democracy*, p. 203.
50. Stein P. *Sweden: Failure of the Welfare State*. — "Journal of Economic Growth", 2 № 4 (1989), p. 38.

51. Robb C. S. *New Directions, Enduring Values*. Washington, 1988, p. 34.

52. Schumpeter /. *Capitalism, Socialism and Democracy*. L., 1976, p. 131 — 163, 421—425; Kristol I. *Two Cheers for Capitalism*. N. Y., 1978, p. 153—187, 255—270.